

ПОКА ЕЁ ИЩУТ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Пока её ищут

<https://litres.ru/74519692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вечером Межозерье выходит искать Таю Рудневу. У лесной дороги найден её телефон. Мать ждёт в школьном холле, добровольцы прочёсывают берег озера, а повар Алла Бычкова разливает чай для тех, кто возвращается из темноты.

К утру в одном из домов находят убитого Анатолия Бурова. Пока односельчане искали девушку, кто-то успел побывать у него на кухне.

Следователю Степану Долину предстоит восстановить ночь, которую каждый помнит по-своему. Шум машины, свет фонаря, мокрая одежда: привычные мелочи не укладываются в общий рассказ. Алла знает людей, о которых её спрашивают, много лет. Ей трудно поверить, что человек, которому она наливала чай, мог только что оставить другого умирать.

Поиск продолжается. И чем больше становится известно о пропавшей, тем сложнее понять тех, кто хочет её найти.

Содержание

Глава 1. Лицо на листе	4
Глава 2. От школы до леса	19
Глава 3. Где кончается дорога	32
Глава 4. Чай до рассвета	43
Глава 5. Нижняя улица	55
Глава 6. Люди из списка	66
Глава 7. Дом на двоих	77
Глава 8. Не тот берег	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

А.М. Сунгурский

Пока её ищут

Глава 1. Лицо на листе

На фотографии Тая смеялась, и её мать потребовала дру-
гую.

— Здесь она на себя не похожа, — сказала Зинаида. —
Совсем не похожа.

Алла Бычкова отодвинула от школьного компьютера стакан с остывшим чаем. На экране девушка в жёлтом свитере шурилась от солнца; ветер прижал волосы к губам. Алла хорошо помнила этот снимок. Тая привезла матери корзинку клубники и не позволяла поставить её на стол, пока Зинаида не сфотографирует дочь с урожаем. Потом обе ели ягоды из дуршлага над раковиной.

— Зин, это же этим летом.

— Я вижу, когда это.

— Свежая. Лицо видно.

Зинаида положила на стол паспортную фотографию. На ней у Таи были подведённые глаза и ровная чёлка, от которой она избавилась года четыре назад.

— Тут серьёзная.

Алла посмотрела на неё. Зинаида стояла в застёгнутом до

горла аптечном халате. Над воротником белела узкая полоска шеи. Она приехала прямо из киоска, даже сумку оставила у кассы, и теперь держала ключи в кулаке так крепко, что круглый брелок продавил кожу между пальцами.

— Серьёзную нам не надо, — сказала Алла. — Нам надо, чтобы узнали.

Из коридора донеслось шуршание стульев. Учительница начальных классов освобождала холл перед входом: сдвигала к стене выставку осенних поделок. Ёжик из картошки упал и прокатился до приоткрытой двери. Никто не поднял его.

Алла снова увеличила снимок. Школьный компьютер оживал долго, с хрипом, словно обижался, что его включили в пятницу после шести. Завуч дала пароль по телефону и сказала, что принтер зажёвывает с обратной стороны. Что именно это означало, Алла не разобрала. Она работала в этой школе тринадцать лет и знала всё о пищеблоке, включая звук каждого холодильника, но кабинет завуча оставался для неё местом, где бумага появлялась уже заполненной.

— Давай ту, которую полиция согласовала, — сказала она. — Сейчас ещё наделаем разных.

Зинаида убрала старую карточку. Взяла со стола чай, посмотрела в стакан и поставила обратно.

В холл вошёл Андрей Кротов. Он держал телефон перед собой и говорил так громко, будто его собеседник стоял на противоположном берегу.

— Нет, не к матери. Я у матери спрашивал. Куда ещё ей... Подожди.

Он заглянул в кабинет.

— Ну что там? Уже час печатаете.

— Двенадцать минут, — сказала Алла.

— Я не вам. Я вообще.

Андрей был в серой рабочей куртке с тёмными пятнами у карманов. На щеке, возле уха, виднелась полоса масла. Алла подумала, что он, должно быть, даже не умылся после мастерской. В одной руке телефон, в другой автомобильные ключи, которые всё время звякали. Он говорил, замолкал, начинал снова и всё делал на ходу.

— Что на ней было? — спросила Алла, хотя описание уже прислали.

— Куртка. Зелёная такая.

— Оливковая, — тихо поправила Зинаида. — Короткая.

— Да какая разница, как зелёный называется?

— На ней серые брюки были? — Алла повернула экран.

— Серые. И кроссовки. Чёрные, да.

— А рюкзак?

Андрей задержал взгляд на тексте.

— Она всегда с рюкзаком.

Зинаида провела пальцем по краю стола.

— Маленький. Светлый. Я ей покупала.

В описании так и стояло. Алла ничего не поменяла. Внизу листа были два номера: полиция и связь с добровольца-

ми. Выше крупными буквами написано, что Таисия Руднева, двадцати девяти лет, пропала в Межозерье двадцать шестого сентября. Рядом пустовало место для фотографии. Алла дважды щёлкнула мышью, и смеющееся лицо встало в рамку.

Андрей посмотрел через её плечо.

— Эту зачем взяли? Есть нормальная.

Алла прикрыла ладонью клавиатуру, сама не понимая зачем.

— Уже согласовано.

Он отвернулся к телефону.

— Да. Я здесь. Короче, собирайтесь возле школы. Не возле магазина, возле школы. Фонари берите.

Он вышел, продолжая говорить. Зинаида проводила его глазами.

— Переживает, — сказала она.

— Все переживают.

— Он с работы сорвался.

Алла не ответила. Нажала «Печать». Принтер за её спиной загудел, подумал и вытолкнул первый лист, на котором Тая была полосатой. Через лоб и щёку шли белые пропуски.

— Только этого не хватало.

Алла открыла крышку, как когда-то показывал сын, вынула картридж и осторожно покачала. На палец попала чёрная пыль. Она оставила отпечаток на столе, потом ещё один на салфетке. Зинаида молча смотрела на испорченную фо-

тографию.

— Сейчас. Не переживай, сейчас сделаем.

Алла поймала себя на том, что велит не переживать женщине, у которой уже второй час нет дочери, и разозлилась на собственный язык. Когда не знаешь, что сказать, он сам предлагает ненужное.

Вторая копия вышла лучше. На третьей лицо было целым.

Зинаида взяла лист обеими руками. Сначала прочитала текст, потом приблизила фотографию, словно искала в ней ошибку, которую ещё можно исправить. За окном ударила о стекло мокрая берёзовая ветка.

— Она мне в четыре прислала, что купит хлеб, — сказала Зинаида. — Обычное сообщение. «Мам, тебе нарезной?»

Алла посмотрела на часы в углу экрана. Восемнадцать сорок две.

* * *

В столовой пахло рисом и влажной тряпкой. Алла закончила смену в третьем часу, но не убрала большой чайник на верхнюю полку. Теперь он пригодился. Пока вода грелась, она открыла холодильник и пересчитала яйца.

На понедельник хватало впритык. Трогать школьные продукты она не собиралась. Хлеб, сыр, колбасу и сахар уже несли из магазина; директор разрешила пользоваться помещением и посудой и пообещала согласовать всё, что ещё потре-

буется. Алла отвязала от ручки шкафчика домашний пакет. В нём лежали два яблока и половина пирога, которую она берегла для матери.

Пирог она нарезала. Яблоки пока оставила.

За окном в школьный двор въехал белый микроавтобус. Виктор Чернов остановился перед воротами, где всегда высаживал детей, заглушил двигатель и долго не выходил. Алла увидела, как он наклонился к бардачку. Наверняка искал очки, которые опять были на голове.

Так и вышло. Водитель появился на кухне с очками над лбом и пакетом одноразовых стаканов.

— Завхоз сказала, тут командный пункт будет.

— Пока только чайный.

— Мне куда встать?

— Не к воротам. Там ещё люди подъедут.

— Понял.

Он положил стаканы на стол, заметил пирог.

— Это можно?

— Возьми.

Виктор отломил край и попытался съесть на ходу. Горячей начинка давно не была, но он всё равно подул на неё.

— Телефон-то нашли, — сказал он с полным ртом.

Алла замерла с ножом.

— Кто?

— Семён Ильин. С собакой гулял. На дороге возле бывшей лесной конторы. Я его подвёз сюда. Он с участковым

разговаривает.

Алла положила нож на доску.

— Точно её?

— Андрей сказал, её.

Из холла послышался женский вскрик. Негромкий, короткий. Потом чьи-то торопливые шаги, и стало тихо.

Алла вышла.

Семён Ильин стоял у стенда расписания. Сапоги его были в подсохшей грязи, на штанине отпечаталась мокрая собачья лапа. Рядом молодой полицейский записывал что-то в блокнот. Другой, постарше, разговаривал с Зинаидой. Андрей ходил от окна к двери.

— Я там не лазил, — говорил Семён. — Поднял, потому что экран светился. Думал, кто-то обронил. А потом собака потянула. Я ей: стой. Хотел ответить, не успел. Совсем выключился. Я потом кнопку держал, не включается.

— А где именно лежал?

— Возле первой колеи. От конторы метров сто, наверное. Я покажу, чего тут объяснять.

— Покажете. Собаку куда дели?

— Дома. Что ж я с ней...

Зинаида сидела на стуле, который принесли от учительского стола. Полицейский держал телефон у себя и матери не отдавал. Алла успела рассмотреть тёмный прямоугольник в прозрачном потёртом чехле и синюю бумажку под ним. Тая сунула эту бумажку туда ещё зимой. Алла видела её каждый

раз, когда девушка приходила на кухню за посылкой, которую по ошибке приносили в школу вместо пункта выдачи по соседству.

— Мы его зарядили, — сказал старший. — Просит код экрана и ещё пин-код сим-карты. Вы знаете?

Зинаида покачала головой. Андрей тоже сказал, что не знает.

— Поэтому и не дозвониться? — спросила она.

— Сейчас карта заблокирована. Сообщения тоже пока не посмотреть.

— Может, уронила и не заметила, — сказала Зинаида.

— Может, — ответил полицейский. — Мы сейчас проверим место.

— Она без телефона никуда.

Андрей остановился.

— Я же говорю, туда надо. Чего мы здесь сидим? Я там всё знаю.

— Давайте сначала с Семёном проедем, — сказал старший. — Вы уже ходили по этой дороге?

— На машине был. Раньше. Там, если прямо...

— Сегодня были?

Андрей посмотрел на него, потом на Зинаиду.

— Был. Я вам сказал. Мы там виделись.

— Во сколько?

— Около пяти. Я на часы не смотрел.

Алла стояла у кухонной двери и не понимала, почему это

важное «мы там виделись» прозвучало только сейчас. Ещё полчасика назад Андрей рассказывал по телефону, что Тая ушла после работы и пропала. Может быть, полиции он уже объяснил остальное. Алла ведь слышала не всё.

— И после этого вы уехали? — спросил старший.

— Да. Я домой. Думал, она к Зинаиде. Мы... поговорили. Она пошла.

Зинаида подняла голову.

— О чём вы поговорили?

— Да ни о чём, Зин. Потом.

Полицейский указал на дверь в маленький кабинет рядом с учительской.

— Давайте туда на минуту.

Андрей не сразу двинулся. Сначала убрал ключи в карман, достал обратно, сунул в другой. Потом прошёл вслед за ним.

Алла подошла к Зинаиде и взяла её за плечо.

— Пойдём чай выпьешь.

— Не хочу.

— Тогда посидишь у меня. Тут сквозит.

Мать встала легко, будто только ждала, чтобы ей велели встать. Ориентировку она не выпустила. На сгибе бумаги Тая по-прежнему смеялась.

К семи стемнело настолько, что лица прибывающих появлялись сначала в дверном стекле, а потом уже в холле. Галя Костина пришла с библиотечным удлинителем и коробкой карандашей. Федя Маркин принёс два налобных фонаря, один совсем маленький, розовый.

— Сестрин, — объяснил он, хотя никто не спрашивал. — Нормально светит.

— Красивый, — сказала Галя.

— Я говорю, нормально.

Он покраснел и стал разбирать ремешок.

Алла в эту минуту разговаривала с матерью.

— Я не приеду пока, мам. У тебя суп есть.

— Я знаю, что у меня есть.

— На нижней полке.

— Алла, я суп сама туда поставила.

— Ну всё. Таблетки вечером не забудь.

— Ты про девочку лучше скажи.

— Пока ничего.

Мать помолчала. В трубке загремела крышка кастрюли.

— Андрюшка с ними?

— Здесь.

— Он её найдёт. У него машина.

Алла посмотрела в холл. Андрей как раз вышел из каби-

нета, прошёл к Семёну Ильину и стал что-то показывать на экране.

— Машин тут хватает.

— Что?

— Говорю, люди собираются. Позвоню позже.

Она убрала телефон. Пирог для матери закончился: кто-то аккуратно сложил пустой пакет под хлебницу. Алла решила, что утром испечёт новый, и сама удивилась этой мысли. Утро пока было чем-то далёким, к чему следовало подготовить пирог.

В дверях появилась Раиса Фомина. На ней была зелёная непромокаемая куртка, расстёгнутая поверх тёмно-синего вязаного джемпера. Она несла две плоские коробки, прижав их к животу.

— С капустой и с картошкой. Только подпишите, где какие. Я сверху не стала.

— Спасибо, Рай.

— Да брось.

Раиса поставила коробки, сняла куртку и оглядела кухню деловым взглядом. Когда-то они с Аллой вместе работали в кафе у трассы; Алла ушла в школу, когда Антон поступил в первый класс, а Раиса оставалась до самого закрытия. Теперь пекла на заказ. В посёлке её пироги называли «из бывшего кафе», хотя самого кафе не было уже шесть лет.

— Чай сколько заварила?

— Пока чайник.

— Мало будет.

— Я вижу.

— Большую кастрюлю возьми. Зря улыбаться не надо, нормальный чай получается.

Алла и не улыбалась. Раиса достала из шкафа кастрюлю, спросила, можно ли, уже держа её под краном, и включила воду. На левом локте синего джемпера светлела небольшая заштопанная полоска. Нитку когда-то подобрали не в цвет, и на влажной ткани починка выделялась ещё сильнее.

— Ты с нами останешься? — спросила Алла.

— Пойду. Ноги у меня пока есть. Здесь и без меня управитесь.

Она приподняла коробку, проверяя, не промокло ли дно, и снова поставила.

Зинаида сидела у стены. Раиса подошла к ней, присела на корточки и тихо спросила, кому ещё звонили. Мать стала перечислять имена: подруга в Торжке, двоюродная сестра, хозяйка пункта выдачи. Раиса слушала, кивала, не перебивала. Потом поднялась и провела ладонью по плечу Зинаиды.

— Найдётся. Сколько раз такое было.

Алла не знала ни одного раза, когда Тая пропадала вот так. Но Зинаида выпрямилась, словно слова помогли ей хотя бы удержать спину.

На пороге остановилась Софья Бурова в светлом стёганом пальто. У неё в руках был пакет из амбулатории.

— Бинты, пластыри. Физраствор есть, но это я не знаю,

надо ли. Всё закрытое.

— Отдай тем, кто будет принимать, — сказала Алла. — Сейчас руководительница приедет.

Софья кивнула. Взглянула на Раису, потом на кастрюлю, в которой зашумела вода.

— Толя сказал, у вас тут свет во дворе не горит.

— Горит. Одна лампа перегорела, две работают.

— Он хотел переноску принести.

— Пусть приносит.

— У него заказ. Лодку заканчивает. Может, Назар занесёт.

Раиса открыла верхнюю коробку и отвернула бумагу от пирогов. Софья переставила пакет из одной руки в другую.

— Зин, тебе что-нибудь принести? — спросила она.

— Дочь, — ответила Зинаида.

Софья замолчала.

Через секунду мать подняла на неё глаза.

— Прости. Ничего мне не надо.

Из холла позвали Аллу. Наконец приехали люди с рациями, большими рюкзаками и сложенным столиком. Впереди шла женщина в красной куртке. Она представилась Ириной Суховой и первым делом спросила, где можно поставить стол так, чтобы не перекрывать выход.

Алла указала место у расписания. Ирина осмотрелась, сняла рюкзак и попросила собравшихся пока не расходиться по лесу самостоятельно. Она говорила негромко, но её услы-

шали даже у наружной двери.

Андрей сказал, что они уже договорились и знают, где искать.

— Подойдите ко мне, пожалуйста, — ответила Ирина. — Покажете на карте.

Он шагнул к столу. Остальные тоже потянулись ближе.

Алла вернулась в кабинет за свежими листами. Принтер давно закончил, и Таинных лиц оказалось больше, чем она ожидала. Одинаковые фотографии лежали ровной пачкой, только у верхнего листа загнулся угол.

Она принесла их в холл. Первый взял Федя, второй Галя. Ирина попросила несколько для регистрации. Ещё один лист Алла сама прикрепила к стеклянной двери скотчем, закрыв объявление о родительском собрании.

С улицы фотографию осветили фары. На секунду жёлтый свитер стал почти белым.

Алла расправила угол и задержала ладонь на холодном стекле. За её спиной люди называли фамилии, проверяли фонари, договаривались, кто возьмёт воду. Ей хотелось, чтобы Тая сейчас вошла и возмутилась снимком. Сказала бы: ну кто так печатает, у меня тут нос на пол-листа. Забрала у Раисы пирог, матери объяснила, что опять всё не так поняли.

Дверь открылась. Алла отступила.

На пороге стояли двое незнакомых мужчин в резиновых сапогах. Один держал термос, другой пакет запасных батареек.

— Здесь записывают?

— Здесь, — сказала Алла и показала на стол.

Глава 2. От школы до леса

Людей, готовых идти в лес, оказалось тридцать четыре. Фонарей, которые не гасли после первого нажатия, заметно меньше.

Ирина раскладывала на столе листы, отвечала на звонки и успевала замечать каждого, кто собирался уйти, не записавшись. Она не требовала строиться, не повышала голос и никому не объясняла, как неправильно было жить до её приезда. Просто возвращала человека к столу, уточняла фамилию, номер телефона, состояние здоровья и то, с кем он собирается идти.

Василий Егорович Лаптев объявил, что со здоровьем у него лучше, чем у молодых. При этом опирался на спинку стула.

— По ровной дороге идти можете? — спросила Ирина.

— Я тут сорок лет хожу.

— Я не про сорок лет. Про сегодня.

— Могу.

Она кивнула и передала его группе, которой предстояло проверить лесную дорогу и несколько ответвлений. Старшей была Ася Левина, невысокая девушка с туго заплетённой косой. Василий Егорович сначала прищурился, потом спросил, сколько ей лет.

— Двадцать четыре.

— А мне шестьдесят шесть.

— Значит, вы раньше меня родились. Фонарь покажите, пожалуйста.

Алла отвернулась к стене, чтобы он не заметил улыбку. Лаптев протянул фонарь. Ася проверила свет и вернула его так серьёзно, что обижаться было уже не на что.

Среди восьми человек этой группы оказались Галя, Раиса и Федя. Ещё двое приехали из соседнего посёлка; один представился Игорем и всё время поправлял ремень большого рюкзака. Алла стала восьмой почти случайно. Сначала она хотела только довести воду, потом Ирина, которой нельзя было оставить штаб, спросила, сможет ли кто-нибудь из местных показать поворот к старой конторе. Галя знала нужный поворот, но путалась в названиях боковых дорог. Алла бывала там у матери на огороде и вызвалась.

— Ненадолго, — сказала она Раисе. — Отведу и назад. У меня тут целая кухня.

— Сходи. Там уже две учительницы бутерброды делают.

Алла взглянула в столовую. Её разделочная доска лежала поперёк стола, хотя она всегда клала её вдоль. Колбасу резали слишком толсто. Одна из учительниц сыпала сахар прямо из пакета в большую кастрюлю с чаем.

Алла отвела глаза и надела куртку.

У выхода Федя фотографировал ориентировку на стекле. Розовый фонарь висел у него на шее.

— Другу пошлю, — сказал он. — Он сейчас в Твери, но

у них наши в чате есть.

— Картинку лучше из группы возьми, — посоветовала Ася. — Здесь блик. И личные телефоны людей не снимай.

— Я не снимаю.

— Я на всякий случай.

Он опустил телефон, потом всё же сделал ещё один кадр: дверь, под ней ряд сапог и жёлтый жилет, свисающий со стула. Алла слышала, как затвор тихо щёлкнул. Федя посмотрел на снимок и убрал аппарат в нагрудный карман.

За столом Ирина говорила с Андреем. Перед ними лежала карта, прижатая термосом и коробкой батареек.

— Здесь вы расстались? — спросила она.

— Я полиции показал.

— Мне тоже покажите, пожалуйста. Чтобы мы говорили об одном месте.

Андрей поставил палец на карту.

— Вот контора.

— Это насосная. Контора здесь?

Он наклонился ниже.

— Ну да. Я же не по бумажке езжу. Вот дорога, вот тут.

Ирина сделала отметку карандашом и записала рядом что-то короткое. Алла видела, что каждое новое сообщение она помечает отдельно: кто сказал, откуда знает. Даже если сообщение звучало убедительно.

— Вы были на машине?

— Да.

— Тая вышла из вашей машины или пришла пешком?

Андрей помедлил.

— Мы там встретились. Она шла. Я остановился.

— В какую сторону она пошла потом?

Он махнул к окну.

— Туда. К озеру, наверное.

— Видели, что к озеру, или предполагаете?

— Она свернула. Я уехал. Вы что, думаете, я за ней по лесу...

— Мне нужно выбрать участки, — сказала Ирина. — Поэтому спрашиваю.

Андрей сжал губы и снова указал на карту. На этот раз точнее.

Алла уже стояла у дверей, когда он догнал её.

— Вы с ними? Скажите там, у Чёрной ямы пройти надо. Она могла на ту тропу выйти.

— Ты Ирине скажи.

— Я сказал. Они по-своему. Пока запишут, пока назначат.

— Мы уже идём.

Он посмотрел на её сапоги.

— У вас подошва гладкая. Там съедете.

Алла опустила взгляд. Сапоги были старые, но протектор ещё держался.

— Если съеду, назад вернусь.

— Я просто предупредил.

Он прошёл мимо неё к трём мужчинам у ворот. Один дер-

жал охотничий фонарь размером с маленькое ведро. Андрей забрал у него светильник, повернул, нажал кнопку. Белый луч упёрся в школьный фасад.

* * *

Виктор отвёз группу до развилки. До неё было немногим больше километра, но Ирина решила побереечь время и силы для самой дороги. В микроавтобусе пахло мокрыми куртками, яблоками и чем-то сладким, пролитым задолго до этой пятницы. На спинке перед Аллой осталась детская наклейка: золотая звезда с надписью «Молодец!».

Галя уселась у прохода и начала пересчитывать термосы. Раиса помогала ей, придерживая один коленями. Василий Егорович устроился рядом с водителем, несмотря на то что хотел идти пешком и дважды это всем сообщил.

— Если кто устанет, не геройствуем, — сказала Ася с переднего сиденья. — Говорите сразу. Никто один обратно не идёт. Обнаружили вещь, след, одежду — не трогаем, зовём меня. По воде и в провалы не лезем. Работаем там, где договорились.

Федя поднял руку, словно сидел на уроке.

— Телефоном снимать можно?

— Для себя дорогу и группу можно, если не мешает. Если что-то найдём, сначала мне. Ничего в сеть до согласования. И заряд не высади на видео, он ещё пригодится.

— У меня банка.

— Хорошо, что есть.

Микроавтобус остановился за последним домом. Впереди тянулась тёмная дорога, а справа между стволами угадывалась низкая крыша заброшенной конторы. Из трубы над ней росла маленькая берёза. Алла помнила, когда в этом здании сидела женщина с красными ногтями и выдавала рабочим рукавицы. Теперь внутри стояла вода.

На обочине ждала полицейская машина. Семён Ильин разговаривал со старшим полицейским, показывая на колею. Андрей со своими знакомыми был здесь же; они, видимо, приехали раньше.

Ася попросила группу остановиться и подошла к полицейскому. Алла осталась у машины. Передние колёса стояли почти вплотную к лужице, в которой отражался прямоугольник внутреннего света. Раиса открыла термос и налила немного чая в крышку, попробовала, кивнула Гале.

— Нормальный. Не слишком сладкий.

— Ты про чай сейчас? — спросила Галя. — Я думала, ты у нас насчёт поисков нормально.

— Про чай.

Галя коротко засмеялась. И сразу перестала, посмотрев в сторону дороги.

За их спиной хлопнула дверь. Андрей завёл свою машину, развернулся и поехал вдоль последнего ряда домов. Знакомые последовали за ним на другой. Ася вернулась, дожда-

лась, пока моторы стихнут, и объяснила, что полицейские уже осмотрели место, где нашли телефон. Группа начинает дальше и не топчется возле отметки.

— А те куда? — спросил Игорь с рюкзаком.

— Андрей с местными пошёл к южной тропе. Координатор знает. Если увидите людей, уточняйте, кто это. Не считайте, что всякий фонарь в лесу наш.

Виктор закрыл дверцу.

— Мне теперь в школу?

— Да. Я свяжусь через координатора, когда понадобится забирать людей. Пока ориентируемся на эту развилку. Если сменим место, сообщим заранее.

— Связь здесь есть.

Он помахал телефоном, будто показывал средство от непогоды, и сел за руль.

Алла почувствовала прохладу сразу, как погас свет в салоне. Пока рядом стояла машина, лес казался обочиной знакомой дороги. Теперь впереди осталось восемь фонарей, шуршание одежды и пустота между стволами.

Ася проверила по именам всех, кто вышел. Попросила Игоря идти замыкающим. На её телефоне была включена запись маршрута; сам телефон она убрала в защищённый карман.

— Алла Сергеевна, нужный поворот далеко?

— Метров триста. Только у нас его зовут дорогой к конторе, хотя контору мы уже проехали.

— Поэтому и уточняем.

Они пошли.

* * *

После поворота дорога сузилась. Колеи ещё различались, но между ними выросла трава, мокрая и высокая. Ася оставила группу, попросила погасить разговоры и позвала Таю.

Все замолчали.

Алла впервые услышала, сколько звуков было вокруг. С листа на лист стекала вода. Где-то за деревьями гудел мотор. По сухой коре чуть выше головы шуршало что-то мелкое. В школе говорили одновременно столько людей, что тишина здесь показалась непривычно глубокой.

Ася подождала и позвала ещё раз. Потом предложила двигаться дальше.

— Я попробую? — спросила Галя. — Она меня знает.

— Попробуйте. Потом слушаем.

Галя набрала воздуха.

— Тая! Та-а-я! Это Галя! Мы тебя ищем!

Её голос ушёл в лес и вернулся слабым обрывком от воды. Ответа не было.

Раиса стояла рядом с Аллой, держа фонарь низко. Луч выхватывал мокрые листья и короткие белые грибы, расплюснутые чьей-то подошвой.

— Она могла просто в сторону уйти, — сказала Раиса. — Сесть где-нибудь, переждать.

— Что переждать?

— Ну, если поссорились. Кто их знает.

Алла подумала об Андрее и его «да ни о чём». Почти каждый в посёлке когда-нибудь ссорился так, что уходил из дома. Но почти каждый брал телефон. И говорил хотя бы одному человеку, где ночует.

— До дождя уже холодно было, — сказала она.

Раиса ничего не ответила.

Чуть дальше Василий Егорович начал рассказывать, как ходил здесь с отцом на рыбалку. Он говорил негромко, больше себе, перечисляя места, которых на карте не было: Плоский камень, Кривой плёс, Сухие кусты. У Сухих кустов оказалась заводь, в которой всё лето стояла вода.

— А Чёрная яма где? — спросила Ася.

— Кто как зовёт, — ответил он. — Некоторые там, где экскаватор бросили. Некоторые дальше. А дед мой вообще говорил — Чёрное.

Ася остановилась, достала карту и попросила показать оба места. Он сначала раздражённо махнул рукой, потом взял фонарь Феди и посветил на бумагу.

Алла стояла сбоку и смотрела на узкий просвет между деревьями. За ним лежало Малое озеро. Ночью оно не блестело, только чуть меньше темнело, чем лес. На противоположном берегу виднелись два освещённых окна. По этой воде

отец Таи когда-то возил их всех на старой деревянной лодке; самой Тае было лет семь. Она сидела на корме и командовала, куда причаливать. Алла помнила её колени, вечно разодранные, с крошками зелёнки по краям ссадин.

Галя вдруг присела и подняла луч.

— Стойте. Там что-то светлое.

Алла тоже увидела: между корнями лежал округлый кусок ткани. Почти такого же цвета, как Таины маленькие рюкзаки, которые она таскала по посёлку. Ася подошла первой, попросив остальных оставаться на месте. Посветила сбоку.

Это оказалась вывернутая наизнанку перчатка. Старая, насквозь промокшая, вросшая в мох одним краем.

Ася всё равно отметила место и сделала снимок. Объяснила, что отправит координатору. Никто не вздохнул вслух, хотя Алла почувствовала, как у неё отпустило живот.

— У меня такая на даче, — сказал Федя. — Только чёрная.

— Хорошо, что заметили, — ответила Ася Гале.

Они двинулись дальше, и Алла неожиданно поняла, что возвращаться уже не собирается. До школы было близко, но одной её не отпустят. Надо было сказать раньше, когда Виктор ещё стоял у развилки. Теперь каждый сделанный шаг словно добавлял ей обязанность сделать следующий.

Она достала телефон и написала учительнице: «Задержусь с группой. Сахар в левом шкафу. Большой чайник не оставляйте пустым на плите».

Ответ пришёл почти сразу: «Всё хорошо. Ищите».

* * *

Возле старого бетонного столбика дорога разделилась. Направо вела тропа к южной протоке, налево — заросший проезд, по которому раньше таскали лодки. Алла остановила Асю и показала левый поворот.

— Отсюда к той мастерской. Только до неё далеко, берегом обходить. Мы в детстве ходили. Сейчас не знаю, что там.

— Старая лодочная? — Ася сверилась с картой.

— Да. Её ещё буровской называют. Хотя Буров в основном у себя во дворе чинит.

Раиса наклонилась поправить штанину, заправленную в сапог.

— А там проход есть? — спросил Игорь.

— Раньше был. После ручья доски клали. По темноте не полезла бы.

Ася передала сведения по рации. Ответ Ирины Алла разобрала не весь: проверяют подъезд, уточняют состояние, не менять задачу самостоятельно. Группа должна была закончить дорогу и доступные ответвления, затем вернуться к развилке. Дальний участок оставался для отдельной группы.

— Мы сюда утром с другого конца зайдём, если понадобится, — объяснила Ася. — Сейчас на незнакомый настил всей толпой не идём.

Василий Егорович недовольно втянул воздух.

— Когда мы ходили...

— Вы тогда видели, куда ногу ставите, — сказала Алла.

Он посмотрел на неё, собираясь возразить, но только поправил шапку.

Издалека, со стороны южной тропы, донёсся мужской крик. Слово растянулось, распалось между деревьями. Потом прозвучало снова, уже отчётливее:

— Тая!

Андрей. Алла узнала его по тому, как он нажимал на первый слог. Так он звал её летом с улицы, когда она задерживалась у матери, а он сидел в машине с открытым окном.

Ася подняла руку, и группа остановилась. Люди послушали, дождались паузы, позвали в другую сторону. Несколько секунд лес будто перекликался сам с собой.

Затем снова остался только дождь.

Алла застегнула верхнюю кнопку куртки. В кармане коротко завибрировал телефон. Сын спрашивал, правда ли у них пропала девушка и не нужна ли помощь. Она ответила, что люди уже здесь, а ему ночью ехать из Твери не надо.

Он прислал: «Мам, ты там аккуратно».

Алла убрала телефон и посмотрела вперёд. На спине Раисы качался узкий отражающий прямоугольник. За ней шла Галя, подняв луч к веткам. Федя аккуратно обходил лужу, чтобы не наступить в чужие следы.

До этого вечера Алла знала почти всех этих людей по го-

лосам за прилавком, по очереди в амбулатории, по тому, чьи дети не едят лук. Сейчас она различала их главным образом по огонькам, которые стволы то заслоняли, то выпускали обратно.

Впереди Ася снова позвала Таю. И все восемь замолчали, ожидая ответа.

Глава 3. Где кончается дорога

На сороковой минуте Алла перестала смотреть на часы. Время на мокром экране ничего полезного ей не сообщало. Было поздно, становилось холоднее, а Тая всё ещё не находилась.

Дождь то стихал, то принимался снова. В луче фонаря он казался густым, за пределами луча почти не чувствовался. Алла несколько раз расстёгивала воротник: пока идёшь, жарко; остановишься — холод сразу забирается под куртку. Её сапоги прилипали к глине. Приходилось вытягивать ногу осторожно, иначе сапог рисковал остаться в дороге один.

Василий Егорович замолчал. Ещё недавно он советовал, где срезать, и сердился, что его не слушают. Теперь шёл, глядя вниз, и дышал ртом.

Ася заметила это раньше Аллы. Остановилась на широкой площадке, велела всем проверить, не промокли ли ноги, предложила воды.

— Здесь до поворота недалеко, — сказал Лаптев.

— Какого именно?

— Ну, где мы назад.

— Сейчас передохнём.

Она не стала задавать ему вопрос при всех. Отвела чуть в сторону, поговорила вполголоса. Алла слышала отдельные слова: «боль», «головокружение», «раньше». Он отве-

чал сердито, но уже тише.

Галя протянула Феде пакет сухарей.

— Мама положила. Ешь, ты худой.

— Я не от голода.

— Я тоже, а ем.

Федя взял сухарь, придержал зубами и стал поправлять ремешок розового фонаря. Ремешок постоянно сползал ему на уши. Маленький фонарь светил неожиданно хорошо, и Василий Егорович ещё на предыдущей остановке попросил посветить под ноги именно Федю.

Раиса стояла у дерева. Она отвернула манжету правого рукава, стряхнула воду с кисти и достала телефон. Экран на миг осветил её лицо снизу. Алла увидела, как она прочитала сообщение, нахмурилась и начала печатать большим пальцем. Потом стёрла написанное. Убрала телефон, не отправив, — по крайней мере, Алла не заметила знакомого движения.

— Дочь? — спросила Галя.

— Нет.

— У меня уже три раза спросили, когда вернусь. Будто я знаю.

Раиса застегнула карман.

— Идём скоро?

Ася вернулась с Лаптевым и сказала, что пройдут только до следующего ответвления, а затем группа выйдет к дороге. Ирина направит сюда смену. На лица нескольких чело-

век вернулось выражение, которое Алла помнила из автобуса: оказывается, у происходящего был не только лес, но и обратный путь.

— Я вас задерживаю, — сказал Василий Егорович.

— Нас никто не гонит, — ответила Ася.

— Вот если бы девчонку нашли, тогда бы можно было.

Он не закончил. Алла взяла у него полупустую бутылку и положила в свой пакет с водой. Он позволил, сделав вид, что не заметил.

* * *

У развилки лежало поваленное дерево. Ствол перегородил тропу на высоте колена, а ветки уходили в воду. Игорь предложил обойти слева. Ася сначала осветила землю, потом сама проверила обход. Между двумя корнями оставалось сухое место, на которое можно было наступить.

Алла прошла третьей. Раиса стояла на той стороне, показывая, куда ставить ногу. Когда дошла очередь Василия Егоровича, он отмахнулся от руки Игоря и попытался перешагнуть сразу.

Нога поехала. Он сел боком на ствол и выругался без слов, одним тяжёлым выдохом.

— Не вставайте пока, — сказала Ася.

— Да я...

— Посидите.

Раиса подхватила его за локоть. Федя направил свет под ноги. Алла почувствовала неприятную пустоту под рёбрами: ещё одного пропавшего им точно не хватало. Но Лаптев сидел перед ними, сердился и пытался отряхнуть штаны. Уже это казалось хорошим.

Ася присела возле него, спросила, где болит, можно ли двигать ногой, не ударился ли головой. Он отвечал, что не ударился, что всё цело и что дома у него бывают такие ступеньки, по сравнению с которыми это бревно вообще ничего. Когда попробовал осторожно встать с помощью Игоря, побелел вокруг рта.

Ася велела снова сесть и связалась с Ириной.

Никто не напомнил вслух, что его предупреждали ещё в школе. Галя сняла рюкзак, достала маленькую складную подушку и подсунула её Лаптеву, чтобы он не сидел на мокрой коре. Он неожиданно заговорил с ней очень тихо.

— Галочка. Извини.

— Не извиняйтесь. Неудобно там вам?

— Удобно, — ответил он с таким видом, будто другого ответа не допустит.

Федя попросил Раису подержать запасной фонарь. Ему нужно было убрать воду с объектива телефона: он сфотографировал развилку по просьбе Аси, чтобы следующая группа узнала место. На снимке случайно оказались рукав Раисы, оба её запястья и край Лаптевой шапки. Федя хотел переснять.

— Отправь, и так видно, — сказала Ася, взглянув. — Только подпиши, в какую сторону смотрим.

Он открыл сообщение, добавил фотографию, показал ей текст. Ася поправила одно слово и отправила координатору. Алла смотрела на руки Раисы, пока та держала сразу два фонаря. Правый рукав снова сполз, открыв красную полосу от резинки. На левой руке был старый серебряный перстень без камня. Его Раиса носила ещё в кафе.

— Варежки свои где? — спросила Алла.

— В кармане. Мокрые.

— Так перчатки.

— Да хоть рукавицы. Всё равно мокрые.

Ася получила ответ. К ближайшему выходу можно было подать машину; до него по дороге оставалось около восьмисот метров. После короткого отдыха Лаптев смог стоять, но идти пришлось медленно, опираясь на Игоря. Если станет хуже, договорились остановиться и вызвать помощь к месту. Алла забрала у Игоря часть вещей, Раиса шла с другой стороны от Лаптева, не давая ему ускоряться.

Он всё время говорил, что сам. Через десять минут перестал говорить и просто переставлял ноги.

Алла поймала себя на том, что смотрит только на дорогу перед ним. Искать Таю одновременно не получалось. Стоило отвлечься, и Лаптев цеплялся сапогом за корень. Она показала следующий корень, потом лужу, потом камень. В промежутках Ася останавливалась и звала. Они слушали, но те-

перь в каждой тишине слышалось тяжёлое дыхание человека рядом.

Когда впереди появился свет фар, Алла испытала такую благодарность к Виктору Чернову, какой не испытывала за тринадцать лет его школьных рейсов.

Он вышел из машины, увидел Лаптева и сразу убрал с переднего сиденья коробку с инструментами.

— Здесь садитесь. Ногу как удобнее.

— Я им весь поиск испортил, — сказал Василий Егорович.

— Ты мне сиденье пока не испортить. Подожди, подложу.

Виктор постелил старое полотенце. Лаптев послушно дождался, потом сел, и его лицо на секунду стало совсем старым.

Ася передала координатору, кто уезжает. С Лаптевым в школу отправлялись Алла и Раиса. Алла должна была помочь встретить его и разобраться с едой, Раиса вызвалась поддержать на выходе из машины. Остальные пятеро продолжали по согласованному участку до смены. Галя осталась с ними, отдав Раисе один пустой термос.

— Второй у меня. Не потеряйте крышку.

— Я не маленькая.

— Я всем говорю. У нас каждый раз крышка отдельной жизнью.

Федя сфотографировал дорогу с задними огнями машины, пока Ася отмечала отправленных людей. Лица в кадр по-

что не попали, зато белый бок микроавтобуса светился между тёмными кустами.

Виктор показал на часы на панели.

— Ещё нет десяти. Успеем человека домой вернуть.

— Сначала в школу, — сказала Ася. — Там договорились его встретить.

— Я помню.

Алла села за Лаптевым. Раиса устроилась через проход, прижимая к коленям термос. Машина развернулась осторожно, за два приёма, и свет остальных фонарей скользнул по заднему стеклу.

* * *

По пути Алла позвонила в школу и попросила не убирать чай. Трубку взяла учительница.

— Нашли?

— Пока нет. Мы Василия Егоровича привезём, он ногу подвернул. Ирина в курсе.

— Поняла. Зинаида здесь сидит, слышит, что звонок. Я ей скажу.

Алла посмотрела на телефон и не сразу его убрала. За последние два часа любое соединение начиналось с одного и того же вопроса. Под конец отвечать «нет» стало почти стыдно, хотя ответа она не выбирала.

— Зине лучше бы домой, — сказал Виктор. — Она же там

себе всё представит.

— А дома не представит?

— Ну, дома стены.

Алла ничего не ответила. Раиса сидела молча. Она вынула телефон, посмотрела, есть ли сеть, и положила его экраном вниз на бедро.

Когда проехали последние деревья, у берега показался фонарь. Он двигался низко над водой. За ним на секунду проступил борт лодки, потом всё исчезло за домом.

— Это кто ещё ночью катается? — спросила Алла.

— Шатов, наверное, — ответил Виктор. — У него отдыхающие. По пятницам вечно что-нибудь.

— В такой дождь?

— Деньги заплачены.

Раиса повернулась к окну. Алла видела только отражение её щеки.

— Может, тоже ищут, — сказала она.

— Может, — согласился Виктор.

Он притормозил перед поворотом на Нижнюю. Отсюда можно было срезать к дому Лаптева, но водитель поехал прямо, к школе. Алла заметила свет на веранде восьмого дома. Буров обычно оставлял его до позднего вечера. Издали светлая веранда казалась пустой.

— Толя так и не пришёл? — спросила она.

Вопрос вышел обращённым ко всем сразу. Виктор пожал плечами. Лаптев сидел, закрыв глаза.

Раиса ответила не сразу.

— У него свои дела.

— Переноску обещали.

— Может, Назар принёс.

У школы стояло больше машин, чем прежде. На стеклянной двери всё ещё белела ориентировка, а под навесом курили двое мужчин в рабочих комбинезонах. Один быстро потушил сигарету, когда увидел Аллу, словно его поймали на школьной перемене.

Виктор остановился у бокового входа. Двигатель затих. Часы на панели показывали двадцать два ноль четыре; над цифрами мигал значок непристёгнутого ремня, хотя машина уже стояла.

Раиса вышла первой и открыла дверь Лаптеву. Алла обошла микроавтобус с другой стороны. Василий Егорович попытался спуститься самостоятельно, выдохнул, замер. Они дождались, пока он позволит помочь.

В холле их встретила женщина из медпункта, которую звала Ирина. Лаптева усадили, осмотрели ногу и стали выяснять, кто сможет побыть с ним дома. Он тут же возмутился, что дома у него жена и что с ней, между прочим, всякому ещё надо суметь побыть.

Алла поняла, что может оставить его другим, и впервые за вечер почувствовала собственные ноги. В сапогах хлюпало.

На кухне был страшный беспорядок. Хлебные крошки лежали даже на подоконнике, пакет молока поставили рядом с

работающей плитой, а её хорошее полотенце кто-то бросил на спинку стула. Алла потянулась убрать молоко и остановилась. На столе выстроились двадцать аккуратно завёрнутых бутербродов. Пустые термосы стояли отдельно от полных. На каждом учительницы наклеили бумажку с временем, когда налили кипятка.

— Вы как? — спросила одна из них.

— Нормально. Спасибо.

Алла сняла куртку. Раиса поставила возвращённый термос у мойки и начала откручивать крышку.

— Пустой? — спросила Алла.

— Да. Галин.

— Сейчас наполню.

Раиса открыла кран, ополоснула колбу. Когда вода зашумела, из её кармана снова донёлся короткий сигнал. Она выключила кран, вытерла руки о край бумажного полотенца и посмотрела на экран.

— Мне надо отойти, — сказала она.

— Домой?

— На минуту. Ты тут пока справишься?

— Справлюсь, куда денусь.

Раиса застегнула зелёную куртку. У ворота виднелся мокрый джемпер. Алла наклонилась за сахаром и не увидела, куда именно та пошла.

За окном белый микроавтобус тронулся: Виктор вёз Лаптева домой. До следующего рейса у него оставалось время.

Алла высыпала сахар в кружку, размешала и понесла Зинаиде. По пути она подняла картофельного ёжика, всё ещё лежавшего у двери кабинета, и поставила его на свободный край стенда.

Зинаида сидела на прежнем месте. Рядом Софья Бурова держала её за руку.

— Из леса вернулись? — спросила мать.

Алла кивнула.

Зинаида посмотрела на кружку, потом мимо Аллы, в коридор. Несколько секунд ждала, что за ней войдёт кто-нибудь ещё.

Глава 4. Чай до рассвета

Пока Зинаида пила чай, Алла чистила перед ней яблоко. Нож был маленький, неудобный, из тех, которыми на школьной кухне подрезают что-нибудь уже на тарелке. Кожура рвалась короткими кусочками. Алла складывала их на салфетку, а дольки придвигала матери Таи.

— Ты его целиком дай, — сказала Зинаида. — Я ещё кушать могу.

— Да знаю я.

Алла положила нож. Зинаида взяла яблоко, но не откусила.

В холле продолжали записывать приезжающих. Оттуда доносились незнакомые фамилии. Иногда кто-нибудь спрашивал, что уже известно, и получал короткий ответ, без тех добавлений, которые нарастали в разговорах у ворот. Там Тая успела и поссориться, и заблудиться, и уехать на попутке. Один мужчина уверял, будто её видели в автобусе на Тверь, пока Ирина не выяснила, что видели позавчера.

Зинаида тёрла пальцем белый край яблочного среза.

— Я ей не ответила, — сказала она.

— Когда?

— Про хлеб. Покупатель пришёл, потом ещё. Думала, дома скажу. Там же нарезного всегда хватает.

Алла взяла одну из долек и сама начала есть. Иначе раз-

говор о хлебе мог продолжаться бесконечно.

— Она бы всё равно купила. Ты же обычно его берёшь.

— Купила бы.

Мать кивнула, соглашаясь, но лицо не изменилось.

Софья сидела рядом минут десять, затем поднялась. Ей нужно было зайти домой: квартира на Школьной оставалась открытой для сына, а Назар не отвечал. Она попросила немедленно позвонить, если что-нибудь станет известно. На прощание потрогала Зинаиду за плечо и задержалась в дверях, как будто хотела сказать ещё что-то, но не придумала.

Алла слышала с улицы звук отъезжающей машины. Не разобрала, чьей. В это время в чайнике поднялась вода, и ей пришлось возвращаться к плите.

До одиннадцати она почти не выходила из кухни. Приносили пустые термосы, забирали полные, просили ложку, салфетки, розетку. Один из приехавших мужчин хотел зарядить четыре устройства сразу и вырубил автомат в коридоре. Свет быстро вернули, но Алла спускалась с завхозом в подвал, чтобы проверить, не остановился ли холодильник с понедельничными продуктами. По дороге завхоз жаловалась на проводку, а Алла впервые за вечер с облегчением слушала что-то, не связанное с Таей.

Когда вернулись наверх, было без десяти одиннадцать.

Виктор стоял у входа и пил чай из своей металлической кружки. Он уже отвёз Лаптева домой. Тот, по его словам, собирался утром сам прийти с палкой и всех удивить.

— Жена велела передать, чтобы я даже мимо дома не проезжал, — сказал водитель. — Вот такой у нас запрет на героизм.

— Правильно велела.

— Мне сейчас снова к развилке. Асиных забирать. Смена уже выехала.

Алла дала ему пакет с бутербродами.

— Это по дороге не раздавай. Привези людей сначала.

— Я их не приманиваю едой, Алл.

Он улыбнулся и вышел. Она постояла у двери, глядя вслед микроавтобусу, потом вернулась к чайнику.

* * *

Группа приехала в четверть двенадцатого. Они вошли сразу шестеро, и на чистом участке пола моментально образовалась новая карта грязных следов.

Ася сначала подошла к столу Ирины. Галя поставила свой термос на подоконник, Федя сел на корточки, пытаясь развязать тугой мокрый шнурок. Раиса остановилась на пороге кухни.

— У тебя сухого ничего нет? — спросила она Аллу.

Вода стекала с её зелёной куртки, но не сильнее, чем с других. Когда Раиса расстегнула молнию, Алла увидела, что джемпер промок насквозь. Вязаная ткань прилипла к груди и плечам.

— Ты купалась, что ли?

— Под куртку затекло. Молния расходится.

Она показала нижнюю часть застёжки. Там действительно разошлись два зубца. Алла покачала головой.

— У меня флиски в шкафчике. Серая. Снимай это, только в подсобку иди, тут ходят.

— Я быстро.

Раиса скрылась за дверью. Алла достала кофту, которой грелась по утрам, пока кухня не успевала натопиться плитам. Кофта была почти новая, с растянутой петлёй на воротнике. Она отдала её Раисе и принесла чистый пакет для мокрых вещей.

— Потом повесишь у себя.

— Может, у тебя до утра полежит? — Раиса говорила из-за двери. — Я опять пойду. С пакетом там только мешаться.

— Положи под мой стул. Не к еде.

Галя вошла следом и сразу начала рассказывать про замену группы. Оказалось, они долго не могли найти нужную съездную дорожку: Виктор остановился на двадцать метров дальше, а на звонок Аси не сразу ответил, потому что держал фонарь и помогал развернуться другой машине.

— Зато наш Федя теперь знает, что телефон существует ещё и чтобы разговаривать, — сказала Галя.

— Я фотографировал ориентир, — отозвался Федя из холла.

— Я и говорю, важное дело.

— Вы сказали не так.

Галя открыла коробку с пирогами, нашла последний капустный и разломил пополам.

— На. Я сказала любя.

Он взял половинку и прислонился плечом к двери.

Раиса вышла в серой кофте. Синий джемпер был скручен в пакет, светлая полоска штопки виднелась через прозрачную стенку. Раиса опустила его под Аллин стул. Правую кисть она держала неловко, немного отвернув ладонью к себе.

— Рука-то что? — спросила Алла.

На тыльной стороне у запястья тянулась узкая красная царапина. Возле неё кожа была припухшей, как после удара о что-то жёсткое.

— Зацепила.

— Там?

— О ветку. Чего ты смотришь, как будто отвалится.

Алла открыла принесённый Софьей пакет, нашла маленький запечатанный пластырь и положила рядом. Раиса вымыла руки, промокнула бумажным полотенцем. В раковине быстро исчезла розоватая полоска, и Алла отвернулась к Феде, который спрашивал, можно ли оставить телефон на зарядке.

— Только не в ту розетку, — сказала она. — Нам уже один устроил.

Ася зашла за водой. Алла протянула ей кружку и спроси-

ла, где они встретили Раису.

— У машины, на развилке. Подошла к концу. Я попросила в следующий раз одной не идти.

— Я по дороге, — сказала Раиса. — Там дома, люди. Не в чашу же.

— Всё равно лучше предупредить координатора, — ответила Ася. — Чтобы не искать ещё и вас.

Галя потянулась за сахаром.

— Раиса у нас сегодня всё успевает. И здесь, и там. Я с ней уже второй раз на этой машине возвращаюсь.

Алла посмотрела на неё.

— Ты в первый раз не возвращалась. Осталась.

Галя остановила ложку над кружкой.

— Да? Точно. Я термос ей передала. Уже в голове каша.

Она рассмеялась, сама над собой, и съела свою половинку пирога. Раиса разгладила рукав серой кофты.

Через минуту кто-то позвал Асю к координатору. Федя пошёл следом, чтобы показать снимок у поваленного дерева. Галя вынесла кружку в холл. На кухне на короткое время остались только Алла и Раиса.

— Ты домой не собираешься? — спросила Раиса.

— Пока нет.

— Тебе завтра опять сюда?

— Суббота. Кухня не работает.

Раиса посмотрела на столы, на крошки, на ряд мокрых термосов.

— А похоже, работает.

Она попыталась улыбнуться. Алла тоже.

* * *

Назар Буров появился перед полуночью. Он вошёл через боковую дверь, которую обычно открывали только для поставщиков, и столкнулся с Аллой возле мойки.

— Вы чего тут? — спросила она, испугавшись.

— Там люди. Не хотел через всех.

Он был без шапки, в чёрной тонкой куртке. Волосы прилипли ко лбу, на правой щеке блестела вода. Назар снял с плеча небольшую сумку и снова надел, будто не смог решить, собирается задержаться или нет.

— Мама здесь была?

— Была. Домой пошла.

— Давно?

— Час назад, больше. Ты ей позвони.

Он достал телефон. Экран не загорелся.

— Сел.

— Федя заряжает свой, спроси у него провод.

Назар кивнул, но в холл не пошёл. Алла заметила грязь на его манжете и спросила, был ли он с поиском.

— Я... ездил. По делам. Только узнал.

— Весь посёлок знает с шести.

— У меня телефон сел, я говорю.

Он ответил резко и тут же опустил глаза.

— Извините. Воды можно?

Алла дала ему стакан. Он выпил, попросил ещё. Руки у него дрожали, хотя дрожали в эту ночь у многих. В холле хлопнула дверь, кто-то громко крикнул «есть связь!», и Назар обернулся всем телом.

Это оказался разговор про рацию.

— Тебе бутерброд дать? — спросила Алла.

— Нет.

— Ты совсем белый.

— Я нормально.

Он поставил стакан в мойку так осторожно, как ставят дорогую вещь, и прошёл к боковой двери.

— Мама спросит, скажите, я заезжал.

— Сам ей скажи. Отсюда позвонить можешь.

— Я сейчас домой.

Он уже тянул дверь, когда Алла вспомнила про переноску.

— Назар! Отец твой свет обещал. Не привёз?

Назар остановился спиной к ней.

— Не знаю.

— Ладно. Не до того.

Дверь закрылась. Алла постояла, глядя на металлическую ручку, потом взяла стакан из мойки. В нём осталась вода. Назар пил торопливо, но не допил.

В коридоре она увидела Раису: та застёгивала зелёную куртку поверх серой кофты. Из-под рукава нелепо торчал

уголок свежего пластыря.

— Это кто был? — спросила Раиса.

— Назар. Мать искал.

— А.

— Ты снова туда?

— С другими. На дорогу к протоке. Ирина разрешила.

Она подняла руку, показывая, что фонарь при ней, и вышла в холл.

Алла посмотрела под стул. Пакет с мокрым джемпером лежал на месте.

* * *

После полуночи события стали похожи друг на друга. Приходили мокрые люди, уходили чуть менее мокрые. Меняли батарейки. Одну женщину отправили домой из-за сильного кашля. Мужчина, который всё повторял, что знает короткую дорогу, наконец показал её на карте, и выяснилось, что она ведёт к другому озеру.

Ирина всё время оставалась у стола. Иногда садилась на несколько минут, но в эти минуты ей звонили. Алла принесла ей бутерброд, поставила прямо возле блокнота и сказала, что не уйдёт, пока та не съест половину.

— У меня дома так сын делает, — сказала Ирина.

— Значит, умный.

— Ему четыре.

— Тем более.

Ирина откусила. Алла дождалась второго куска и только тогда вернулась на кухню.

Зинаиду всё же удалось уложить на старый диван в учительской. Она не разулась, только расстегнула аптечный халат. Алла накрыла её пледом, который привезли вместе с водой. Мать Таи взяла её за запястье.

— Если найдут, сразу разбуди.

— Сразу.

— Не жалею меня, что сплю.

— Зин, никто не будет ждать.

Зинаида отпустила руку. Через несколько минут Алла заглянула снова: глаза у неё были открыты.

В половине третьего вернулась Софья. На ней было то же светлое пальто, но волосы она собрала по-другому, в тугий узел. Узнав, где Зинаида, сняла обувь у порога учительской и тихо прошла к дивану. Алла не стала мешать.

Виктор принёс с улицы пустую канистру, поставил у стены и спросил, есть ли кофе. Алла сварила его в маленькой кастрюльке. Они пили стоя.

— Её бы сейчас к печке, — сказал водитель. — Хоть куда-нибудь.

— Да.

— Сухое, носки. Всё что угодно.

Алла кивнула. Мысленно она уже переодевала Таю, укутывала, ставила на стол горячую тарелку. Эти простые дей-

ствия были так понятны, что хотелось перейти к ним немедленно. Пропущенный шаг между лесом и тарелкой она ничем не могла заполнить.

Около четырёх приехала смена добровольцев. С ними женщина, которая работала в районной столовой и сразу взялась за кухню. Она предложила Алле поспать хотя бы два часа. Алла отказалась, затем, переставляя чайник, промахнулась мимо подставки и чуть не обожгла руку. Женщина ничего не сказала, просто забрала чайник.

— К матери схожу, — решила Алла. — Тут близко. Телефон со мной.

Она собрала свою куртку, пустой домашний пакет и вещи, которые не хотелось оставлять под ногами. Синий джемпер Раисы сунула отдельно, в большую хозяйственную сумку. Перед уходом написала ей: «Мокрое твоё забрала. У матери буду. Утром позвони».

Раиса ответила через несколько минут: «Хорошо. Отдохни».

Улица встретила Аллу влажным холодом. Она шла по Школьной медленно, чувствуя, как ноют икры. На подоконниках ещё светились чужие кухни. В двух окнах шевелились люди; в третьем работал телевизор без звука. Посёлок не спал весь, но и бодрствовал уже с трудом.

Мать открыла в ночной рубашке и шерстяной безрукавке.

— Я не ложилась.

— Вижу.

— Ты мокрая.

— Вижу, мам.

— Что ты всё видишь? Разувайся.

Алла поставила сумку в ванной. Пакет Раисы не разворачивала: сил не было даже повесить собственную куртку как следует. Положила телефон рядом с кроватью, сняла сапоги и легла поверх покрывала.

Мать принесла ей сухие носки. Натянула на ноги, как в детстве после дождя, и тихо спросила:

— Совсем ничего?

Алла покачала головой.

— Спи. Я услышу, если позвонят.

Она хотела ответить, что сама услышит, но уснула раньше, чем договорила.

Утро в Межозерье началось без солнца. Первый серый свет только разбавил темноту над водой. Дежурившие у школы потянулись к чайнику, новая группа проверила снаряжение, кто-то наклеил свежую ориентировку поверх размокшей.

В шесть двенадцать соседка Анатолия Бурова Лидия Селезнёва набрала номер экстренной помощи. Она стояла на веранде восьмого дома и держалась за дверной косяк, хотя пол под ногами был ровный.

Она тоже произнесла фамилию человека, которого знала много лет.

Только искать его уже не требовалось.

Глава 5. Нижняя улица

Степан Долин, следователь районного следственного отдела СК, узнал про Межозерье ещё до звонка дежурного. Жена показала ему ориентировку за завтраком. Фотография пришла в родительский чат, между напоминанием о сменной обуви и просьбой сдать деньги на поездку класса.

— Недалеко от нас, — сказала Оксана. — Ночью ищут.

Он посмотрел на лицо женщины, прочитал описание, вернул телефон. В это время Лёва объяснял, что в бассейн с отцом идти гораздо лучше, потому что мама заставляет сушить волосы до конца. Степан обещал подумать, стоит ли отменять физические свойства воды ради такого преимущества.

Сын засмеялся. Затем зазвонил телефон.

Когда Степан встал из-за стола, Лёва не стал спрашивать. Только сложил ложку в пустую тарелку и пошёл за мамой в комнату. От этого было неприятнее, чем если бы он обиделся вслух.

В машине Степан снова открыл ориентировку. Потом убрал её: вызвали его по другому поводу. В Межозерье обнаружили мужчину с повреждением груди. Медики приехали раньше следственной группы и помочь уже не смогли. Имя — Анатолий Викторович Буров. Адрес — Нижняя, восемь.

На въезде в посёлок Степан увидел добровольцев. Трое стояли под навесом автобусной остановки и ели из бумаж-

ных свёртков. Один спал сидя, уронив голову на грудь. На стекле висела та самая фотография Таи Рудневой, только бумагу по нижнему краю размочил дождь.

Водитель притормозил, пропуская белый микроавтобус. Тот был забрызган почти до окон.

— Всю ночь, говорят, — заметил водитель.

Степан кивнул. Он уже видел, сколько чужих людей, машин и мокрых следов окажется в посёлке в то самое время, которое понадобится восстановить.

Дом на Нижней стоял почти у озера, в ряду таких же невысоких домов с сараями за огородами. С улицы его отличала синяя веранда. Свет на ней продолжал гореть. У калитки дежурил полицейский, рядом переминалась невысокая женщина в старом пуховике. На ногах у неё были резиновые полусапожки, над которыми торчали шерстяные носки.

Степан представился. Женщина немедленно заговорила:

— Я не сразу вошла. Сначала позвала. Потому что у него дверь. Обычно закрыта, а тут...

— Вы Лидия Селезнёва?

— Да. Из шестого.

— С вами сейчас поговорит сотрудник, хорошо? Мне сначала нужно посмотреть.

Она кивнула, но тут же продолжила, словно боялась, что время для рассказа закончится:

— Кот кричал. Его кот. Я утром встаю рано, у меня давление, спать не могу. Слышу — кричит. Думала, веранду за-

крыл и забыл выпустить. Он иногда забывает.

Степан показал коллеге, чтобы записал первые сведения отдельно. Женщину увели под навес соседнего дома. Она всё оглядывалась на синюю веранду.

Евдокия Панова ждала его у крыльца. Они встречались на нескольких выездах, но близко работать прежде не приходилось. Она держала тонкую папку и стакан с водой, который, кажется, приготовила для Селезнёвой.

— Евдокия? — уточнил Степан.

— Можно Дуня. Только не при протоколе.

— Степан. Что у нас с теми, кто входил?

Она перечислила: соседка, двое первых полицейских, медики. Дальше доступ ограничили. Соседка утверждала, что подошла к лежащему, взяла за плечо, затем отступила и звонила с веранды. Дверь дома не была заперта. Калитка тоже.

— Родные?

— Жена отдельно живёт, на Школьной. Сын взрослый. Ей сообщают, его пока нет. Телефон недоступен.

— По пропавшей с ним связь есть?

Дуня посмотрела на него чуть внимательнее.

— Знал её отца. Это пока всё, что проверено. Здесь все кого-нибудь знают. Соседка уже успела сказать, что он «мог помогать», но сама не понимает, что имеет в виду.

— С ней отдельно. И всех, кто был ночью на этой улице.

— Уже начали.

Она поставила стакан на подоконник веранды и отошла,

чтобы не мешать специалистам проходить.

* * *

В прихожей пахло деревом, сырой курткой и застоявшимся дымом. На крючке висела кепка с выцветшей надписью. Под ней стояли две пары обуви: высокие резиновые сапоги и старые домашние тапки, один чуть дальше другого.

Тело находилось в кухне, на полу между столом и дверью в комнату. Мужчина лежал на боку, одной рукой касаясь ножки опрокинутой табуретки. Рубашка на груди потемнела. Лицо было обращено к стене, и вначале Степан видел только седые волосы у виска.

Он остановился там, где указал специалист, и стал осматривать помещение, не двигаясь дальше. На столе стояла тарелка с недоеденным хлебом. Рядом кружка, чайник, сложенная вдвое газета. Небольшой кухонный нож лежал у мойки. На первый взгляд чистый. Степан попросил обратить на него внимание, но не потянулся сам.

В помещении работали спокойно. Фиксировали положение вещей и тела, отмечали следы, осматривали поверхности. Судебный медик сообщил, что видимое повреждение похоже на колото-резаное. Точные выводы о причине смерти и механизме потребуют исследования.

— По времени? — спросил Степан.

— Сначала всё посмотрим.

— Понимаю. Мне пока широкий промежуток.

— Широкий и будет. У вас дверь открыта, температура менялась. На часы не рассчитывайте.

Степан кивнул. Он видел, как близко стол придвинут к стене, как мало места оставалось между его углом и дверью. Два человека здесь неизбежно стояли бы почти вплотную. Но пока неизвестно было даже то, стояли ли они.

На косяке темнел небольшой мазок. Ниже, возле пола, лежал комок сероватых бумажных полотенец. Их заметили и сняли отдельно. В раковине было несколько чашек, одна с жирным ободком; рядом лежала губка. Кран был сухой. Степан ничего из этого не соединял в готовый рассказ. Чистота ножа могла означать, что им резали хлеб вчера днём. Полотенцем могли вытереть масло из лодочного двигателя. Он слишком часто видел, как удобное объяснение заставляет человека не замечать неудобную мелочь.

В комнате стояла незакрытая дорожная сумка. На кровати были сложены две рубашки и брюки. Под стулом — пара новых ботинок в раскрытой коробке. Ботинки выглядели чужими в доме человека, который, судя по двору, большую часть времени проводил в сапогах.

— Собирался куда-то, — сказал криминалист.

— Похоже. Узнаем куда.

Степан отметил сумку. На комоде стояла фотография молодого мужчины в форме на фоне воинской части. Вероятно, сын. Рядом маленький механический будильник, ко-

торый отставал от телефона Степана на семнадцать минут. Следователь записал оба показания.

Телефон погибшего лежал на краю комода; поперёк защитного стекла шла трещина. Экран был тёмным. Криминалист сфотографировал и упаковал аппарат.

Обогнув дом снаружи, Степан вышел в небольшой двор. Там под навесом стояла лодка вверх дном. Рядом струбины, кисти в банке, короткая лестница, куски наждачной бумаги. Дождь намочил край рабочей скамьи, но под крышей дерево оставалось сухим. На одной из струбцин висела переносная лампа с длинным проводом.

Степан обвёл взглядом ограду. Невысокая, из разномастных досок. В соседний двор можно было заглянуть, приподнявшись на носки. Дальше узкая тропа уходила между сараями к берегу.

— Через дворы ходят? — спросил он полицейского.

— Бывает. Здесь привычные все.

— Мне нужны привычки этого двора. Потом отдельно выясните.

Он вернулся к веранде. На веранде было тесно от людей и оборудования. За стеклом у калитки появились первые любопытные, но к дому их не пускали. Кто-то спрашивал о Тае. Кто-то уже объяснял другому, что это теперь «одно дело».

Степан вышел на крыльцо.

— Поиски женщины продолжаются? — спросил он Дуню.

— Продолжаются. Координатор просит не вытаскивать ей

всех людей из групп разом.

— Разом не надо. Сначала родных и тех, кто видел Бурова вечером. Поисковые списки, маршруты, фото пусть сохранят. Без самостоятельного расследования в общем чате.

— Скажите это ещё посёлку.

Степан посмотрел за калитку. Мужчина в камуфляже уже снимал веранду на телефон.

— Начните с того, чтобы он не входил во двор.

* * *

С Лидией Селезнёвой он поговорил в её собственной кухне. Там было очень жарко. На столе стояла открытая банка мёда, рядом три чашки, приготовленные для тех, кого хозяйка ожидала увидеть после страшного звонка. Чай никто не пил.

Она повторила рассказ про кота. Рыжий кот Бурова ночевал то в доме, то на веранде, и соседка привыкла к его утренним требованиям. Сегодня он кричал долго. Лидия вышла, увидела приоткрытую входную дверь, позвала хозяина через забор. Ответа не было. Тогда зашла через калитку, которую не пришлось открывать ключом, поднялась на веранду и толкнула дверь.

— Я сначала решила, что ему плохо. Может, упал. У нас так соседка в прошлом году упала, её только днём...

— Вы увидели его сразу?

— Ноги сначала. Из кухни. Потом уже всего.

— Свет горел?

— На веранде. В кухне я включила. Выключатель справа.

Я им сказала.

Степан уточнил, кому именно сказала, и попросил Дуню связать это с осмотром. Селезнёва показала, как положила ладонь Бурову на плечо. Ей казалось, что она его встряхнула, но теперь не была уверена.

— Я не хотела ничего портить.

— Вы пытались понять, можно ли помочь.

— Он же один. Я и подумала, что один.

— Вчера вечером вы его видели?

— Около восьми. Во дворе. Лампу какую-то искал. Сказал, для школы.

— Восемь откуда помните?

— У меня передача закончилась. Не ровно восемь, может, без десяти. Я чайник пошла ставить, в окно увидела.

Он записал оговорку. Селезнёва выглянула в собственное окно: отсюда была видна часть буровского двора, край навеса и светлое пятно веранды. Кухня за углом не просматривалась.

— Потом кто-нибудь приходил?

Она задумалась.

— Софья была. Но это раньше. Ещё до того, как я его у навеса видела. Хотя нет...

Степан дождался.

— Я не хочу наврать. Светлое пальто у калитки. Вчера, да. А время не скажу. Телевизор смотрела, то встану, то сяду. Я ж не сторожила.

— Понимаю. Лицо видели?

— Не так, чтобы прямо. Пальто её.

— Мог быть другой человек в похожем?

Селезнёва поджала губы.

— Наверное. Только зачем ему в её пальто?

Степан мягко повторил: «В похожем». Она кивнула и отвела взгляд.

После десяти хозяйка легла. Окно спальни выходило в другую сторону, к улице. Она слышала машины, голоса, несколько раз просыпалась. Ничего такого, что могла бы уверенно назвать криком, ударом или ссорой, она не помнила.

— Вы же знаете, Таю ищут? — спросила она.

— Знаю.

— Может, Толя что-то увидел? Он ведь ночью мог выйти. Если бы услышал девушку...

— Он вам говорил, что собирается её искать?

— Нет. Но он не такой, чтобы мимо.

Степан закрыл блокнот не сразу. Посмотрел на три чашки, на мёд, на руки хозяйки. Она ждала от него согласия с тем, каким был сосед.

— Вы давно его знали?

— Двадцать лет. Больше.

— Кто к нему часто приходил?

Селезнёва начала перечислять. Жена, сын, клиенты по лодкам. Шатов. Константин из райцентра, фамилию она забыла. Раиса Фомина. Ещё мужчины, которых она в лицо знала, а по именам нет.

— С Раисой они... — начала она и замолчала.

— Что?

— Да вы сами спросите. Не мне.

— Вы что-нибудь видели, слышали?

— Видела, как она пироги ему приносила. Что я должна была слышать?

Тон вдруг стал колючим. Степан понял, что соседка уже испугалась, сколько чужой жизни впустила в свой рассказ.

Он поблагодарил её, предупредил, что могут понадобиться уточнения, и попросил пока записать всё, что вспомнится о вчерашнем вечере, своими словами. Без обсуждения с другими соседями. Она сказала, что с другими говорить вообще больше не хочет.

Когда они вышли, Дуня задержалась на крыльце.

— Константина найду. И Шатова.

— Жена где?

— В школе. Ей сказали. Сотрудник с ней.

— Сначала к ней.

На улице стал накрапывать новый дождь. Степан застегнул куртку и оглянулся на восьмой дом. На веранде по-прежнему горел свет, в комнате двигалась тень криминалиста. Из-за забора выбрался рыжий кот, перебежал дорогу и остано-

вился у чужой калитки.

Убийство уже начинали объяснять. Оно едва успело случиться для посёлка, а готовые объяснения существовали: пропавшая девушка, случайный свидетель, чужая ревность, старые долги. Степану пока не хватало даже ответа на самый простой вопрос — кого Буров впустил в дом.

В школе им предстояло встретиться с людьми, которые всю ночь искали живого человека. Теперь нужно было спросить каждого, когда он в последний раз видел другого живым.

Глава 6. Люди из списка

В школьном холле Степан узнал фотографию из утреннего чата. Вживую, на бумаге, она выглядела иначе: на углу засохла капля, край скотча собрал пыль. Под фотографией стоял человек и спорил с добровольцем о том, что поиски надо перенести на другой берег.

— Она туда и пошла, — говорил он. — Я вам вчера объяснял.

Доброволец показал на стол координатора. Человек махнул рукой и отвернулся.

Дуня тихо сказала:

— Андрей Кротов.

Степан задержал взгляд на нём. Мужчина лет тридцати с небольшим, широкий в плечах, в грязной рабочей куртке. Глаза воспалённые, щетина тёмная. Он выглядел так, как мог выглядеть человек, проводивший ночь в лесу и не нашедший близкого. Всё остальное предстояло выяснять.

Ирина Сухова встретила их у карты. Она стояла прямо, но под глазами залегли серые полосы. Степан показал удостоверение и попросил несколько минут без посторонних.

— Поиск не остановится? — спросила она.

— Нет. Нам нужны ваши сведения, а не все люди сразу.

Она нашла замену у стола и отвела их в кабинет завуча. Там пахло тонером. На столе лежала стопка испорченных

ориентировок с белыми полосами поперёк лица.

Степан попросил рассказать сначала о работе группы, без слухов о погибшем. Ирина положила перед ним список прибывших. Были отметки выходов, старших, участков, возвращений. Рядом номера машин. Не у всех местных добровольцев регистрация с самого начала оказалась полной: часть ушла до приезда координатора, часть присоединилась позже. Эти пробелы она назвала сама.

— По людям, которые были с нашими старшими, восстановим подробнее. По остальным — только то, что нам сообщили и что мы видели. Андрей с местными ходил отдельно. Участок обозначили, связь поддерживали, но наш человек с ними не шёл.

— Группа Аси Левиной?

Ирина показала строку. Восемь вышли, Лаптев и ещё двое вернулись раньше, после замены вернулись оставшиеся и местная участница, которая подошла к машине.

Степан посмотрел на фамилию.

— Фомина?

— Да. Раиса.

— То есть восемь ушли, три вернулись, потом шестеро?

— Потому что Фомина вернулась дважды. Сначала привезла Лаптева, потом снова вышла из посёлка к развилке. В лесной части второй раз её с группой не было. Ася отметила.

Он кивнул и попросил копии. Никакой загадки в арифметике не было, если не пытаться прочитать список как одну

длинную прогулку.

Дуня спросила про запись маршрутов. Ирина объяснила, какие есть и у кого сохранились. Степан уточнил, записывался ли путь у каждого участника.

— Нет. Обычно у старшего, иногда ещё у кого-то. Сам по себе трек не скажет вам, кто стоял рядом с ним. Это у людей спрашивать.

— Мы это понимаем. Оригиналы пока не удалять. И фотографии тоже.

Ирина достала телефон, написала короткое сообщение ответственным. Затем спросила, можно ли вернуться: утрення группа ждала уточнения по старым береговым строениям.

— Они ещё не проверены? — спросила Дуня.

— Часть. Мы не обозначали непроверенные как проверенные. До одной постройки ночью не дошли: с юга повреждён настил, с другой стороны искали подъезд. Сейчас есть свет и люди со знанием места. Обойдём по безопасному пути.

— Какая постройка?

— Старый лодочный сарай за мастерской на дальнем берегу. Местные несколько названий дают. Я покажу на карте.

Она показала. Степан обвёл это место. Одно только это озеро окружали десятки сараев, гаражей, веранд.

Андрей сел напротив Степана и сразу спросил:

— Тая жива?

— Мы пока не знаем, где она. Говорить будем об Анатолии Бурове.

— Я понял. Там уже все говорят. А Тая?

— Поиски продолжаются.

Андрей потёр лицо обеими ладонями. На правой оставалась засохшая грязь, на левой виднелись старые мелкие порезы, обычные для человека, который работает с инструментами. Степан отметил это в блокноте.

Первый разговор начали с общего: кто такой Буров для Андрея, когда виделись, общались ли в пятницу. Андрей сказал, что знал его, как все в посёлке, лодок не имел и вчера не видел. Вечером искал Таю.

— От какого момента и с кем?

— С восьми примерно. Со Славой и Геной. Мы на двух машинах.

— До восьми?

— Здесь. Потом к месту телефона. С полицией.

Степан попросил пройти день по порядку. Андрей ответил, что уже рассказывал. Степан сказал, что знает об этом и всё равно просит повторить. Не ради одинаковых слов, а чтобы уточнить часть, относящуюся к Бурову.

— Я работал до четырёх с чем-то. Потом домой заехал. Таи нет. Позвонил, она не взяла. Потом встретил возле конторы.

— Случайно?

— Я ехал.

— Куда?

— К знакомому. За деталью.

— К кому?

Андрей назвал человека из соседней деревни. Дуня записала имя и адрес.

— Через лесную дорогу? — спросила она.

— Там короче.

— До его дома?

— До выезда на трассу.

Она ничего не сказала, только сделала пометку. Степан заметил, как Андрей посмотрел на кончик её ручки.

— Что было при встрече с Таей?

— Поговорили.

— О чём?

— Она собиралась к подруге. Я спросил, почему мне не сказала. Поссорились немного. Она пошла дальше.

— Пешком?

— Да.

— Вы предлагали подвезти?

— Предлагал. Она отказалась.

— К какой подруге собиралась?

Андрей помолчал.

— Не сказала.

— Тогда откуда вы знали про подругу?

— Она так сказала: у подруги поживу. Без имени. Мы...

У нас бывает, что всплывит. Потом успокоится.

За стеной передвинули стул. Степан слышал, как в холле кто-то проверяет рацию: одно слово, пауза, снова слово. Андрея это тоже отвлекало. Он всё время смотрел на дверь.

— Телефон у неё был?

— Был.

— В руках, в кармане?

— Не помню.

— Что произошло возле дороги, после чего он остался там?

— Откуда я знаю? Она уронила, наверное.

Степан дал ему договорить. Андрей начал объяснять, что у Таи треснул защитный экран ещё зимой, что чехол давно растянулся, что он говорил купить новый. Когда замолчал, в комнате оказалось слышно гудение компьютера.

— Вы брали её за руки?

Андрей сел глубже.

— Кто сказал?

— Я спрашиваю.

— За рукав взял. Она уходила, я хотел договорить.

— Она хотела остановиться?

— Степан... Как вас по отчеству?

— Можно Степан.

— Степан, мы четыре года вместе. Ну поссорились. Я бы её обидел — сидел бы я тут сейчас? Всю ночь по кустам лазил бы?

— Одно другому не мешает, — сказала Дуня.

Андрей резко повернулся к ней.

— А вы откуда знаете, что у нас?

— Поэтому и спрашиваем.

Степан поднял ладонь, останавливая спор. Сам он в эту секунду хотел задать три вопроса подряд, но начал с одного.

— Когда вы в последний раз разговаривали с Буровым?

Андрей нахмурился.

— Давно.

— Неделю, месяц?

— На той неделе. Может, в среду. Не помню.

— В прошедшую среду, двадцать четвёртого?

— Может.

— О чём?

— О том, чтобы он в чужую семью не лез.

Ответ прозвучал быстро, почти с облегчением. Как будто именно это Андрей с самого начала и собирался сказать, если бы разговор шёл в удобном порядке.

— Как он лез?

— Тая к нему ходила. Советы слушать. Он ей отец, что ли? Свою семью пусть устроит сначала.

— Вы знаете, какие советы он давал?

— Я не подслушивал.

— Но возражали против них.

Андрей опустил взгляд. Степан почувствовал, что нажимает слишком знакомую педаль: задаёт вопросы так, чтобы самому услышать красивое противоречие. Это помогало собеседнику злиться и гораздо меньше помогало вспоминать.

— Давайте конкретно, — сказал он уже спокойнее. — Где был разговор? Кто ещё рядом? Что вы ему сказали?

Андрей рассказал о встрече у магазина. Буров посоветовал ему дать Тае спокойно решить свои дела. Андрей потребовал не вмешиваться. Кто-то стоял у крыльца, имён он не помнил. На вопрос, угрожал ли, ответил:

— Сказал, что пожалеет, если будет к ней лезть. Но не в этом смысле.

— В каком?

— Не знаю. Просто сказал.

Дуня перестала писать на секунду и подняла глаза. Потом продолжила.

* * *

Галя Костина ждала в коридоре. Её попросили не обсуждать предстоящий разговор с другими, и она буквально закрыла ладонью рот, когда к ней подошла знакомая учительница. Сейчас, войдя, Галя убрала руку и извинилась:

— Я уже боюсь лишнее сказать.

— Говорите то, что помните, — ответила Дуня. — Если не уверены, так и называйте.

Степан попросил начать с ночи. Галя рассказала о группе, о Лаптеве, о дороге, о двух термосах. И снова заговорила о первом возвращении так, будто сама ехала тогда в машине с Раисой, но тут же спохватилась.

— Нет. Я путаю. Алла меня ночью поправила. Когда Лаптева повезли, я осталась, только термос передала. Мы вместе вернулись уже потом.

— Когда потом?

— После одиннадцати. Виктор нас забирал. Раиса подошла со стороны посёлка, пока мы ждали. Я думала, она в школе до этого.

— Видели её в школе в это время?

— Я же в лесу была.

— Значит, думали.

— Да. Думала.

Степан поставил рядом со строкой короткую отметку. Такое признание было полезнее уверенного ответа. Галя, кажется, ожидала, что её сейчас отругают, и удивилась, когда Дуня просто перешла к следующему вопросу.

У магазина в среду она действительно видела Андрея и Бурова. Не из окна библиотеки, как уже успела кому-то сказать, а возвращаясь оттуда домой. Стояла у пешеходного перехода, ждала, пока проедет грузовик. Слышала отдельные фразы. Андрей требовал держаться от Таи подальше. Буров

сказал, что девушка сама решит, с кем разговаривать. Затем прозвучало «пожалеешь».

— Это точно слово Андрея?

— Да. Он громко сказал. А остальное не слышала из-за машины.

— Буров отвечал что-нибудь ещё?

— Наверное. Но я не слышала.

Степан записал и это. Угроза подтверждалась, но между средой у магазина и пятницей в кухне оставалось слишком много пространства, чтобы заполнить его одним словом.

Галя спросила, связана ли смерть Бурова с Таей. Он ответил, что сейчас проверяют разные обстоятельства, и попросил пока не превращать предположения в новости. Она кивнула, поднялась, затем снова села на край стула.

— Она из-за него не вернётся?

— Из-за кого?

— Из-за того, что случилось. Если узнает. Вдруг теперь боится.

Степан посмотрел на её серое от бессонницы лицо.

— Сначала надо её найти.

Галя вышла. Он дождался, пока закроется дверь, и повернулся к Дуне.

— Проверьте знакомого, к которому Кротов ехал за деталью. И тех двоих с ночного поиска. По отдельности, с остановками, не «всю ночь вместе».

— Сделаем. У вас жена Бурова следующая?

— Да.

— И ещё. По предварительному осмотру нам широкий ночной промежуток обещали. Вчерашние бытовые ссоры пока в него все помещаются.

— Я помню.

Ответ получился резче, чем следовало. Дуня не отвела взгляда.

Степан выдохнул.

— Извините. Не на вас.

Она кивнула, взяла папку и вышла.

Он остался один в маленьком кабинете. На полу у принтера лежал обрывок салфетки в чёрной пыли. На столе — Таино лицо с белыми пропусками через лоб и щёку. Из холла доносились шаги, новые фамилии, шум отъезжающей машины.

Глава 7. Дом на двоих

Софья Бурова не плакала. Она сидела у окна в пустом классе и старательно разглаживала ладонью пальто на коленях. Ткань всякий раз собиралась обратно, стоило убрать руку.

Степан представился и сел напротив. За его спиной висела таблица умножения. Восемь на семь, пятьдесят шесть. Он заметил это автоматически и отвернулся так, чтобы Софье не приходилось смотреть поверх его плеча на детские цифры.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов. Если потребуется перерыв, скажите.

— Он в больнице?

Степан замолчал на секунду. Сотрудник, который сообщал о смерти, объяснил всё без двусмысленности. Но Софья, очевидно, услышала то, что могла выдержать.

— Анатолий умер. Сейчас работают специалисты. Позже вам сообщат, куда его доставят и какие действия понадобятся.

Она кивнула и продолжила разглаживать ткань.

— Там в верхнем ящике паспорт. Не на комод. В ящике.

— Найдём.

— И полис. Только старый рядом, вы новый возьмите. Синий конверт.

— Хорошо.

Степан дал ей время. Снаружи прошли двое поисковиков. Один нёс термос, другой держал за ремень грязный рюкзак. Оба замолчали, увидев женщину у окна.

— Когда вы в последний раз видели мужа?

— Вчера.

— Где?

— Дома. У него.

Она поправилась быстро, но Степан услышал.

— Вы живёте отдельно?

— У нас квартира на Школьной. Он часто ночует на Нижней, там работа. Когда заказы, не наездишься.

От дома до квартиры можно было дойти за десять минут. Степан пока не сказал этого вслух.

— Давно так?

— С весны.

— И вещи у него там с весны?

Софья наконец посмотрела ему в глаза.

— Мы не разведены. Если вам это нужно.

— Мне нужно понять, кто бывает в доме и когда его обычно закрывают.

— Я бываю. Сын. Он клиентам открывает. Ключи есть у меня и у Назара.

— Вчера во сколько вы пришли?

— После работы. Около половины седьмого.

— Что происходило?

— Ничего. Разговаривали. Я принесла бельё.

— Долго были?

— Недолго. Потом в амбулаторию вернулась за перевязочным. Для поиска. И в школу.

Она отвечала коротко, но не запинаясь. Степан попросил назвать, о чём говорили. Софья снова провела ладонью по пальто.

— Обычное. Что он ест. Что у него давление скачет, а он лекарства забывает. Что сыро в доме. У него окна старые, сколько говорю, надо менять.

— Об отъезде говорили?

Ладонь остановилась.

— Он вам сказал?

Софья тут же прижала руку к губам. Степан понял: вопрос вырвался раньше, чем она успела вспомнить, почему разговаривает с ним.

— В доме собраны вещи, — ответил он.

— Он собирался к знакомому. На юг. На время. Там мастерская, помощь нужна.

— К какому знакомому?

Она назвала имя — Павел — и город, но фамилии не знала. Степан попросил позже поискать контакты, если сохранились у неё. Софья сказала, что у мужа всё в телефоне.

— Вы должны были ехать с ним?

— Сейчас нет.

— А потом?

— Мы обсуждали. Это наши дела.

— Теперь они могут иметь отношение к тому, что случилось.

Софья в первый раз смяла пальто по-настоящему, схватив ткань обеими руками.

— У нас были сложности. У многих есть сложности. Он не ушёл к кому-то, если вы об этом. Он просто... хотел отдельно. Пожить.

— А вы хотели?

Она долго молчала.

— Я хотела, чтобы сын не выбирал, у кого ему Новый год встречать.

Степан не ответил сразу. Назару было двадцать пять; он мог встречать Новый год и без родителей. Но сейчас вопрос был явно не в празднике.

— Вчера ссорились?

— Нет.

— Говорили громко?

— Я громко говорила. Он тихо. Как всегда, когда ему всё равно.

Из коридора донёсся смех, тут же оборванный. Софья повернула голову к двери. На лице её появилось такое недоумение, будто смеяться в этом здании теперь было физически невозможно.

Степан подождал, пока она снова посмотрит на него.

— О чём вы говорили громко?

— Что нельзя просто сложить сумку и считать, что с остальным всё решено. Дом. Лодка. Сыну обещал помочь. Счета какие-то остаются. Ему кажется, если уехать, всё само.

— Он обещал сыну деньги?

— Да. На машину. Назар доставкой мебели занимается, со своей машиной легче. Или на ремонт, они там сами разбирались. Мне сумму не говорили.

— Деньги были у мужа в доме?

— Не знаю.

Софья ответила слишком быстро, но Степан не стал оценивать скорость как ложь. У каждого неприятного вопроса была своя привычная защита.

— Когда вы ушли, он оставался один?

— Да. Потом собирался лампу принести в школу.

— Принёс?

— Я не видела.

— Вы звонили ему после этого?

— Звонила. Он не отвечал. Я думала, во дворе возится, телефон не слышит.

— Покажете время звонков?

Она достала телефон. Пальцы плохо слушались; дважды открыла не то. Степан предложил помочь только после того, как она сама протянула аппарат. На экране были исходящие вызовы мужу. Один в двадцать два тридцать одну, другой в двадцать три двадцать шесть. Между ними и вокруг — множество звонков Назару. Принятых от сына не было.

— Зачем вы звонили мужу?

— Спросить, не приехал ли Назар.

— Сын собирался к нему вечером?

Софья отвела взгляд.

— Я так поняла. Они про деньги говорили. Толя уезжать собирался, надо было до отъезда решить.

Степан вернул ей телефон. Попросил пока ничего не удалять, даже если какие-то разговоры покажутся не относящимися к делу. Она посмотрела на экран так, будто он стал тяжелее.

* * *

До квартиры на Школьной они дошли пешком. Софья сказала, что там могли остаться бумаги мужа и номер его знакомого. Степан предупредил коллег, куда идёт, и попросил сотрудницу полиции сопровождать их. Дом на Нижней остался внизу, за крышами, но женщина всё время смотрела в ту сторону.

У подъезда пахло мокрым бетоном и варёной капустой. На двери домофона болталась записка «Не хлопать». Софья придержала створку, хотя руки у неё были заняты пальто и сумкой. Степан перехватил дверь. Она поблагодарила рассеянно.

Квартира оказалась небольшой, аккуратной и чрезмерно тёплой. На обувной полке стояли две пары мужских ботинок,

одни старые, другие почти новые. На крючке висела куртка крупного размера.

— Назара, — сказала Софья, заметив его взгляд.

— Он живёт с вами?

— Когда в посёлке. В городе у товарища иногда. Работа то тут, то там.

— Вчера дома был?

— Днём. Я ещё на работе была.

— А ночью?

Она сняла сапоги, выровняла их носками к стене.

— Не приходил.

— Вы всё время после школы были здесь?

— До половины третьего. Потом обратно пошла. Зинаиду одну оставлять... Я всё равно не спала.

Сотрудница осталась в прихожей, пока Софья проводила Степана в комнату. На стене висела большая семейная фотография, летняя, на фоне Малого озера. Буров стоял между женой и сыном. Назар был подростком, Софья держала его под руку. Анатолий смотрел мимо фотографа, сощурившись от солнца.

— На юбилей снимались, — сказала Софья. — Он не любил фотографии.

Степан узнал в подростке молодого мужчину в форме с маленького снимка в доме. Посмотрел на телевизор, на сложенные под ним журналы, на ряд комнатных цветов. В этой квартире Буров как будто ещё занимал положенное ему ме-

сто, хотя его рубашки лежали в дорожной сумке в другом доме.

Софья открыла шкаф и достала папку с документами. Разложила на столе старые квитанции, гарантию на холодильник, фотографии каких-то деталей. Нужного номера не было. Зато нашлась открытка с юга, присланная несколько лет назад. На обратной стороне имя Павел и телефон.

Степан зафиксировал сведения с её согласия. Софья спросила:

— Ему надо сообщить?

— Мы свяжемся.

— Он ведь ждал.

Она села на стул и вдруг засмеялась. Коротко, без веселья.

— Я ему ботинки купила. Толе. Чтобы поехал не в этих, которые у него разошлись. Сама купила.

Степан вспомнил коробку под стулом.

— Когда?

— На прошлой неделе. Он спросил: «Размер помнишь?» Двадцать шесть лет, а я размер не помню. И шутил ещё.

Софья начала плакать беззвучно. Слезы падали на раскрытую папку, она вытирала их тыльной стороной ладони, потом раздражённо отодвинула документы, чтобы не испортить.

Степан предложил перерыв. Она покачала головой.

— Спрашивайте. Сейчас лучше спрашивайте, пока я могу.

Он задал вопрос о Раисе Фоминой.

Софья выпрямилась.

— Пироги ему носила.

— Только пироги?

— Вы у неё спросите.

— Спрошу. Мне важно, что вы знаете.

Она посмотрела на семейную фотографию.

— Я знаю, что она любит быть нужной. Там поможет, тут приготовит, здесь подвезёт. Сначала никто не просил, потом все привыкли. Толе удобно было.

— У них были отношения?

— Я не следила.

— Обсуждали с ним?

Софья помолчала, вытерла лицо салфеткой.

— Спросила однажды. Он сказал, чтобы я людей не обижала. Будто это я кого-то обижала.

— Когда?

— Летом. В июле, наверное.

Степан записал. Слова «будто это я» он тоже отметил.

— А Таисия Руднева?

Софья посмотрела на него почти с гневом.

— Вы теперь всех перечислите? Тая ему в дочери годится. Он с её отцом дружил. Когда отец умер, помогал. Зинаиде крышу чинил. Это тоже отношения?

— Это я и уточняю.

— Тая хорошая девочка. У неё с Андреем...

Она остановилась.

— Что?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Вчера все слышали, как он бегал. Пусть ищет. Хотя на что-то сил хватает.

На этот раз Степан попросил объяснить фразу. Софья сказала, что в амбулатории видит разное, но чужие медицинские сведения пересказывать не будет. Он не стал требовать пересказа на кухне. Только уточнил, обращалась ли сама Тая и можно ли связаться с учреждением официально по поводу нужных сведений. Софья ответила, что нужно спрашивать врачей, а не регистратуру.

Это было справедливо. Он так и сказал.

Телефон Софьи зазвонил на столе. Она схватила его обеими руками, увидела экран и сразу потеряла напряжение в плечах.

— Не Назар.

Звонила коллега из амбулатории. Софья коротко ответила, что да, правда, что сейчас не может, что позже. После звонка уставилась в экран.

— Он должен приехать, — сказала она. — Назар. Ему надо сказать нормально. Не чтобы из чата.

Степан попросил её вспомнить, кому сын мог звонить и где мог остановиться. Софья дала два номера друзей. Один в райцентре, другой в Твери. Затем пошла в его комнату за блокнотом, хотя сам Назар едва ли пользовался блокнотами.

На столе в комнате стояла пустая кружка. Рядом лежал

разобранный держатель для телефона, автомобильный, с отломанной прищепкой. На кровати были сложены рабочие брюки с фирменной нашивкой службы доставки. Степан остался у дверей; хозяйка сама перебрала верхние бумаги и ничего не нашла.

— Я его маленького всегда знала, где искать, — сказала Софья. — У соседа в гараже. Он там машины собирал из всякого. Сейчас машина есть, а где искать, не знаю.

— Найдём.

Степан произнёс это и тут же пожалел о слишком уверенном слове. В школе под таким словом сидела другая мать уже всю ночь.

Софья закрыла ящик. Блокнота не оказалось.

* * *

На лестнице ему позвонила Дуня. Знакомого Андрея, к которому тот якобы ехал за деталью, удалось застать. Договорённости о пятнице он не подтвердил. Кротов иногда заезжал без предупреждения, поэтому само отсутствие звонка ещё ничего не доказывало. Но вчера его не было.

— А маршрут через контору?

— Ненужный крюк, если ехать от его дома к этому человеку. Можно так, конечно. Только «там короче» не получается.

Степан посмотрел через лестничное окно на школу.

— Значит, мог ехать за Таей.

— Мог. И ещё: двое, с кем он ходил ночью, говорят, что периодически расходились. На полчаса, на час — сейчас уточняем. Они не одну цепочку держали, а разные тропы проверяли. До полуночи и после.

— Хорошо. Где сам Кротов?

— Снова собирается к озеру. Я попросила оставаться на связи. Пока оснований закрыть его в кабинете у нас нет.

— Знаю. Просто нужен будет ещё разговор.

Он убрал телефон. Софья стояла у открытой двери квартиры, ожидая, пока он закончит.

— Это про сына?

— Нет. Пока нет новостей.

— Он не мог ничего сделать. Если вы вдруг...

Степан остановился.

— Я пока спрашивал только, где он.

Софья обхватила себя руками, словно всё-таки замёрзла в слишком тёплой квартире.

— Он на отца злился. Но так все злятся. Когда ждёшь, а тебе говорят: потом, потом. Он не плохой.

— Когда они ссорились?

Она не ответила сразу. Потом отступила от двери, пропуская его обратно.

Глава 8. Не тот берег

Аллу разбудила мать. Не телефон, которого она ждала сквозь сон, а ладонь на плече.

— Вставай. Там беда ещё.

Она села слишком быстро. Комната качнулась, пришлось упереться ногами в пол. На ногах были сухие носки, незнакомо мягкие после сапог.

— Нашли?

— Не её. Бурова. Умер.

Алла несколько секунд не могла соединить эти слова с человеком. В голове стояла лодка вверх дном, Толино вечное «сейчас, дай закончу», запах лака во дворе. Он не выглядел человеком, про которого можно просто утром сказать «умер».

— Сердце?

Тамара Петровна покачала головой.

— Говорят, убили. Я точно не знаю. У меня Лида звонила, потом соседка. Все уже.

Алла взяла телефон. Было без четверти восемь. Несколько сообщений, пропущенный от незнакомого номера, звонок из школы. Она набрала школу первой.

Там ответила та самая женщина из районной столовой. Таю пока не нашли, утром вышли новые группы. Полиция спрашивала Аллу, но будить немедленно не велела: остави-

ли номер. Раиса приезжала с группой, узнала про Бурова и ушла к школе пешком от места высадки; потом её видели в холле.

— Я приду, — сказала Алла. — Часа через полтора. Мне маме...

Она посмотрела на мать. Та стояла посреди комнаты с двумя кружками в руках и выглядела обиженной заранее.

— Мне собраться надо, — поправилась Алла.

Тамара Петровна поставила кружки на стол.

— Ты тут не ради меня сиди. Я сама.

— Я знаю.

— Потому что у тебя сейчас будет: суп, таблетки, окно. Я не маленькая.

Алла промолчала. Ночью мать натянула ей носки и проверяла, дышит ли она во сне, как делала всегда, когда дочь спала рядом. Теперь нужно было обоим немного побыть взрослыми, и ни одна не знала, с какой стороны начать.

Алла перезвонила на оставленный номер. Оперуполномоченная Панова попросила подойти в школу и рассказать о вчерашнем вечере. Уточнила, что речь не о новом поиске и не о том, чтобы Алла сама что-то расследовала. Нужны её наблюдения.

— Я Толю вчера не видела, — сказала Алла.

— Всё равно поговорим. Вы были в школе и ездили с группой.

— Была.

— Когда сможете?

Они договорились. Алла положила телефон, пошла в ванную и умылась ледяной водой, пока мать не успела включить тёплую. В большой хозяйственной сумке лежали её грязные перчатки, пустой пакет из-под пирога и отдельно мокрый синий джемпер Раисы. Алла приподняла прозрачный пакет, почувствовала сырой запах шерсти и снова опустила.

— Постирать? — спросила мать от двери.

— Не надо. Это не моё. Сама разберётся.

— В пакете задохнётся.

— Я скоро отдам.

Она не стала разворачивать вещь. Наверху, на стиральной машине, мать уже приготовила завтрак в контейнере: варёное яйцо, хлеб, кусок сыра. Алла перенесла всё на кухонный стол и села. Съела яйцо, не чувствуя вкуса, потом половину хлеба.

— Тая ведь живая может быть? — спросила Тамара Петровна.

— Может.

— Не надо сразу самое плохое.

— Я и не надо.

Мать замолчала. Через минуту подвинула сыр поближе.

* * *

До школы Алла шла мимо домов, на которых за ночь по-

явились ориентировки. Одну приклеили на калитку магазина, другую к остановке, третью к стеклу пустого киоска. На всех была та самая летняя фотография. Теперь Алла знала наизусть, где на снимке ветер прижал Тае волосы к губам.

Возле поворота на Нижнюю стояли трое. Один держал велосипед и рассказывал, что у Бурова что-то украли. Второй спрашивал, сколько. Первый ответил, что ещё выясняют.

Алла остановилась.

— Кто тебе сказал?

Велосипедист пожал плечами.

— Люди. А что, просто так, что ли?

Она пошла дальше. Спорить было не с чем: человек называл слух ответом на собственное «а как иначе».

У школьных ворот ей встретилась Раиса. Серая флисовая кофта выглядывала из-под зелёной куртки. Лицо было сухим, застывшим, губы потеряли цвет. На правой руке оставался пластырь.

— Ты уже знаешь? — спросила Раиса.

Алла кивнула.

Они постояли, не обнимаясь. Вчера, когда всё началось, обнять друг друга было бы легко. Теперь между ними стояла такая новость, что непонятно было, как к ней подступиться.

— Софья здесь, — сказала Раиса. — Её увели разговаривать.

— А Назар?

— Не знаю.

Алла вспомнила дрожащие руки сына Бурова. Вспомнила, как он остановился у двери, когда она спросила про отца.

— Он ночью заходил.

Раиса посмотрела на неё.

— Ты говорила. Мать искал.

— Да.

— Нашёл?

— Не знаю.

В дверях появилась Галя и позвала Аллу: полиция ждёт. Раиса отступила, пропуская.

— Джемпер твой у мамы, — сказала Алла. — Я не стира-
ла. Совсем без сил была.

— Ничего. Потом заберу.

Раиса отвернулась к воротам. Алла ещё раз посмотрела на её руку, но спрашивать о царапине сейчас показалось невозможным, почти нелепым.

Внутри пахло вчерашним чаем и свежей хлоркой: кто-то наконец вымыл пол. Алла увидела, что картофельного ёжика убрали со стенда обратно в коробку. При обычных обстоятельствах она бы спросила, не испортился ли он за ночь. Сейчас прошла мимо.

Дуня Панова слушала внимательно и редко перебивала. Ей нужны были не впечатления, а порядок. Во сколько Алла печатала, когда пошла с группой, с кем вернулась. Что видела сама и что узнала потом. Алла дважды тянулась ответить «Раиса всё время с нами», но каждый раз останавливалась:

в лесу — да, до первой машины; в школе — не всё время; потом Алла сама ушла к матери.

— В первый раз приехали в четыре минуты одиннадцатого, — сказала она. — У Виктора на панели увидела.

— Часы точные?

— Не знаю. У него обычно... Не знаю.

Дуня записала именно так.

Алла рассказала о Назаре. О сумке, воде, разряженном телефоне. Когда дошла до слов про отца, почувствовала, как холодеют ладони.

— Он спиной стоял. Я спросила, привёз ли свет. Он сказал: «Не знаю». И ушёл.

— Какое время?

— Перед двенадцатью. Не по часам, а потому, что потом полночь обсуждали. Плюс-минус. Я не хочу вам выдумать.

— И не надо.

Дуня уточнила, кто ещё мог видеть Назара, попросила не обсуждать этот разговор с Раисой и Галей. Алла удивилась, зачем та назвала их отдельно, и сама же поняла: они были ближе всего, с ними она наверняка начала бы вспоминать.

В конце спросили о буровских знакомых. Алла назвала Константина Громова — тот раньше торговал стройматериалами в райцентре и приезжал к Бурову рыбачить. Номер могла найти через общего знакомого, но Дуня сказала, что уже уточняют. Софья тоже упомянула его.

Алла собралась уходить, затем задержалась.

— А Тая? Там старые сараи за мастерской есть. Мы ночью не пошли, правильно, там доски. Но сейчас-то...

— Группа туда идёт. Координатор знает.

— Хорошо.

Алла вышла в коридор и прислонилась к стене. Ей хотелось снова заняться чайником. Сделать что-нибудь, после чего на столе появится вода, а не новые вопросы.

* * *

Константин Громов ответил на звонок со второго раза. Дуня разговаривала с ним у окна, Степан стоял рядом, только что вернувшись от Софьи. Он успел записать ещё одну семейную ссору: сын требовал от отца обещанные деньги, отец то соглашался, то откладывал. Последний спор Софья слышала по телефону за несколько дней до убийства. Содержание знала частично.

Теперь в трубке говорил другой человек, которому новость ещё не сообщили близкие.

— Как погиб? — переспросил Громов. — Подождите. Я же с ним вчера.

Степан подал знак. Дуня спросила, когда именно.

— Поздно. Я дома был. Вы подождите, у меня звонок в списке. Сейчас. Не отключайтесь.

Послышался шорох. Потом Громов назвал время: двадцать два тридцать четыре. Разговор длился чуть больше пя-

ти минут.

— Вы уверены, что говорили с самим Анатолием?

— Конечно. Мы разговаривали. Не сообщение он мне оставил. Он отвечал.

— О чём?

— Просил в воскресенье утром отвезти на вокзал. Он билет купил. Не хотел такси вызывать. Я рано встаю, мне нетрудно. Простите, я сейчас... Что случилось-то?

Степан попросил передать ему трубку и представился. Сообщил только то, что мог сообщить на этом этапе: Буров обнаружен мёртвым, обстоятельства расследуют. Нужно будет подробно поговорить и сохранить сведения о звонке.

— Я приеду, — сказал Громов. — Сейчас приеду. Час мне дайте.

— Хорошо. Сначала в школу, не к дому. Вам объяснят, где нас найти.

— Он вчера нормальный был. Как обычно. Про колено моё спросил, про жену. Мы по живому разговаривали.

— Я понял.

— Не могли вы ошибиться?

Степан посмотрел на двор, где двое добровольцев грузили рюкзаки в машину.

— К сожалению, нет.

После звонка он попросил Дуню уточнить время по источникам, которые позволяют его подтвердить. Само отображение в телефоне уже было полезно, но не должно было остать-

ся единственной опорой. Важнее всего пока было содержание: знакомые обсуждали обычные вещи и отвечали друг другу. Буров был жив значительно позже восьми вечера, когда его видела Селезнёва.

Дуня открыла список ночных перемещений.

— Двадцать два тридцать четыре. В этот момент у нас половина людей где-то между школой и лесом.

— И сын ещё не найден.

— Друг в Твери сказал, что Назар у него не ночевал. Второй пока не ответил.

Степан посмотрел на время. Они работали всего несколько часов, а количество дел, которые «пока» не были сделаны, уже требовало отдельного листа.

* * *

За школой Ася проверяла рюкзак перед новым выходом. Алла подошла к ней, держа два свежих бутерброда.

— В карман положи. Потом забудешь.

— Спасибо.

— Там, за мастерской, ещё сарай низкий. С берега его не видно, ольха закрывает. Мы в детстве туда влезали.

Ася развернула карту.

— Этот?

Алла наклонилась. Сначала не узнала. На бумаге берег был повёрнут непривычно, и тропа, по которой она мыслен-

но шла с юга, уходила совсем не туда. Ася повернула лист. Тогда всё встало на место.

— Да. За ним. Только здесь раньше ещё мостки были. Или это дальше...

— Мы со стороны северного проезда подойдём. Там местный проводит до мастерской, дальше посмотрим. По гнилому настилу не пойдём.

— Ключи у Толи могли быть, — сказала Алла. — Он там иногда инструмент держал. Я не знаю, пользуется сейчас или нет.

Ася записала и передала сведения координатору. Алла стояла рядом, пока та не закончила. Ей хотелось, чтобы запись про ключи сразу превратилась в открывающуюся дверь.

— Если найдёте, — сказала она и замолчала.

Ася подняла глаза.

— Что?

Алла покачала головой.

— Ничего. У вас есть что-нибудь сухое?

— Есть.

— Хорошо.

Она вернулась на кухню. На столе лежало яблоко, которое Зинаида так и не доела ночью. Срез потемнел, вдоль края проступила сухая корочка. Алла выбросила его и достала из сумки материно второе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.